

ЛИАНА ВЕЙЛ

ПОПАДАНКА

в злую гувернантку

ВОЛЧАТА
СЕВЕРНОГО АЛЬФЫ

Лиана Вейл

**Попаданка в злую гувернантку.
Волчата Северного альфы**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Попаданка в злую гувернантку. Волчата Северного альфы /
Л. Вейл — «Автор», 2026

Ещё вчера я была детским кризисным психологом. Сегодня — Лиора Весс, злая гувернантка, которую двое осиротевших волчат боятся сильнее ночных чудовищ. Их дядя, северный альфа Тарен Морвейн, уверен: я лишь притворяюсь доброй. Слуги ждут, когда я снова сорвусь. А Риан и Нэль каждую ночь видят один и тот же сон, и с каждым утром помнят всё меньше. Чтобы спасти детей, мне придётся остаться в доме, где зеркала разговаривают с людьми, родные прячут клыки за улыбками, а доверять нельзя даже собственному отражению. Особенно Тарену. Он следит за каждым моим шагом, грозит расправой при первой ошибке и почему-то оказывается рядом всякий раз, когда прошлое Лиоры пытается забрать нас обратно. Я не его истинная. Не кровь этих детей. И не избранная пророчеством. Но иногда семьёй становятся не те, кого связала магия, а те, кого ты отказалась отдать.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мальчик с арбалетом	5
Глава 2. Семь ночей	18
Глава 3. Дом, который не спит	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лиана Вейл

Попаданка в злую гувернантку. Волчата Северного альфы

Глава 1. Мальчик с арбалетом

Первое, что я увидела, был направленный мне в лицо арбалетный болт.

Не игрушечная присоска, не пластмассовая стрелка из детского набора, которыми однажды обстреляли кабинет школьного психолога и намертво прилепили к портрету министра просвещения, а короткий металлический наконечник с тёмными разводами у основания. Он дрожал вместе с руками мальчика. Совсем немного, едва заметно, но на таком расстоянии хватило бы и случайного движения пальца.

Я лежала на мокром полу, прижавшись щекой к шершавой плитке. Во рту чувствовался привкус железа, волосы липли к губам, левый висок ломило так, словно в него неудачно забили гвоздь. Где-то совсем рядом надрывно кашлял ребёнок.

— Не двигайся, — сказал мальчик.

Голос у него оказался ниже, чем полагалось на вид. Не детский писк, а сорванный от крика хрип, который он изо всех сил пытался удержать ровным. На нём была длинная серая рубашка до колен, одна штанина заправлена в носок, вторая волочилась по мокрому полу. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Босые ступни посинели от холода, но мальчик будто не замечал этого.

Я медленно перевела взгляд в сторону кашля.

За его спиной, возле перевернутой медной купели, лежала маленькая девочка в мокрой ночной сорочке. Вода растекалась под ней блестящей лужей, пропитывала светлый ковёр, стекла между плиток. Девочка дёрнулась, попыталась вдохнуть и снова закашлялась, уже тише.

Слишком тише.

— Мне нужно к ней, — произнесла я, стараясь не поднимать головы. В ушах стоял низкий гул, а перед глазами время от времени проходила мутная волна. — Она наглоталась воды.

Мальчик сильнее прижал приклад к худому плечу.

— Я сказал, не двигайся.

— Я слышала. Но если она перестанет кашлять, это не будет означать, что ей стало лучше.

Он моргнул. Всего раз, быстро, сердито.

— Ты её убивала.

Я посмотрела на собственные руки.

Тонкие пальцы, длинные ногти, на правом запястье багровый след, будто его недавно сжимали изо всех сил. Руки были женские, бледные, совершенно мне незнакомые. На коже не осталось ни вмятин от дешёвого кольца, которое я постоянно крутила во время трудных разговоров, ни маленького белого шрама от консервной банки. Зато под двумя ногтями застряли нити голубой ткани, а на ладони виднелись свежие царапины.

Я подняла глаза на мальчика.

— Возможно, — сказала я.

Он явно ждал чего-то другого. Оправданий, крика, приказа опустить оружие. Что бы ни происходило здесь до того, как я открыла глаза, мой ответ выбил его из заготовленного разговора.

— Что?

— Я не знаю, что случилось. Не знаю, почему она в воде и почему ты целишься в меня. Но сейчас это неважно. Посмотри на её губы.

Он не посмотрел. Только уголок арбалета чуть опустился, потом снова поднялся.

— Риан...

Девочка произнесла имя едва слышно. Кашлянуть у неё уже не получилось. Маленькое тело судорожно выгнулось, пальцы заскребли по мокрому ковру.

Мальчик обернулся.

Я встала на четвереньки.

Болт щёлкнул о направляющую.

— Стой!

— Тогда помоги мне сам. Переверни её на бок.

— Я тебя застрелю.

— Если будешь смотреть на меня, а не на неё, можешь не успеть.

Это было жестоко. И правильно.

Он опять взглянул на девочку. Я воспользовалась секундой, подтянула под себя ноги и подползла ближе. Мир качнулся, плитка ушла вбок, в животе болезненно сжалось. Пришлось упереться ладонью в пол, чтобы не упасть лицом в воду.

Чужое тело слушалось плохо, будто я надела его несколько минут назад и не успела разобраться, где что застёгивается.

Мысль была нелепой, поэтому я оттолкнула её и добралась до ребёнка.

Мальчик не выстрелил.

Я повернула девочку на бок, придерживая голову. Она снова закашлялась. Из рта потекла вода, смешанная со слюной. Вдох получился рваным, со свистом, но получился. Под мокрой сорочкой мелко ходили рёбра.

— Вот так, — сказала я. — Умница. Не торопись. Дыши.

Она не могла меня услышать. Или могла, но была слишком напугана, чтобы отреагировать.

Я провела пальцами по её шее, нащупывая пульс. Быстрый, слабый. Кожа ледяная. Светлые волосы прилипли к лицу, на ресницах висели капли. На вид ей было не больше шести.

— Принеси что-нибудь сухое.

— Не командуй мной.

— Хорошо. Тогда она будет лежать мокрая.

В комнате имелись полотенца. Я видела их на деревянной полке у купели — аккуратно сложенные, вышитые по краю мелкими серебряными листьями. Но чтобы дотянуться, пришлось бы оставить девочку и повернуться к мальчику спиной. Он всё ещё держал арбалет, хотя теперь целился куда-то в район моего плеча.

— Справа от тебя полотенца, — сказала я. — Возьми самое большое.

Мальчик попятился, не выпуская меня из виду. Локтем задел полку, торопливо поймал верхнее полотенце и бросил мне. Я завернула девочку, растёрла ей руки, затем ступни. Ногти были синеватыми, но губы понемногу розовели.

За дверью послышался топот. Кто-то ударил в створку так, что тяжёлая ручка задрожала.

— Господин Риан! Откройте!

Мальчик вздрогнул и развернул арбалет к двери.

— Они её выпустят.

— Кто?

Он посмотрел на меня с такой ненавистью, что вопрос застрял во рту.

— Тебя.

Дверь снова содрогнулась.

— Господин Риан!

— Скажи им, чтобы не входили, — потребовал мальчик. — Скажи, что я застрелю её.

— Кого именно?

— Тебя!

— Меня, кажется, и так отлично слышно.

В ответ последовал ещё один удар, возле замка треснуло дерево. Девочка в моих руках вздрогнула. Я прижала её крепче и почувствовала, как тонкие пальцы цепляются за мокрый рукав моего платья.

Платья.

До этого момента я не смотрела на себя ниже запястий. Тёмно-зелёная ткань облепила колени, длинная юбка распласталась по полу, а на груди виднелся ряд крошечных чёрных пуговиц. Никаких джинсов, серого пуховика, ремня безопасности, который не хотел отстёгиваться, пока автомобиль лежал на боку.

Воспоминание ударило внезапно.

Снег в свете фар. Стекло, рассыпавшееся на коленях. Запах бензина и горячей резины. Детская рука, вцепившаяся в мою ладонь.

«Не закрывай глаза, Петя. Смотри на меня. Давай найдём пять синих вещей».

Мальчик плакал, говорил, что не чувствует ноги. Я не чувствовала ничего ниже груди, но об этом ему знать не следовало.

Четыре синих вещи мы нашли.

Пятую я уже не увидела.

Дверь рухнула внутрь вместе с вырванным замком.

Первым ворвался высокий мужчина в чёрной одежде. Он успел перехватить арбалет раньше, чем мальчик развернулся, сжал ложе одной рукой и поднял оружие вверх. Болт сорвался с направляющей и впился в потолочную балку.

Мальчик закричал.

— Отпусти! Она топила Нэль! Я видел! Она держала её под водой!

Мужчина отобрал арбалет и отбросил его к стене. Затем опустился перед мальчиком на одно колено, взял за плечи и быстро осмотрел лицо, руки, мокрую рубашку.

— Ты ранен?

— Нет.

— Она тебя трогала?

— Нет! Нэль... Тарен, Нэль не дышала!

В комнату вбежали ещё трое: двое мужчин в одинаковых тёмных мундирах и немолодая полная женщина с выбившимися из-под чепца седыми волосами. Женщина ахнула, увидев воду и лежащую у меня на руках девочку, но не подошла. Все остановились в нескольких шагах, будто вокруг меня была натянута незримая проволока.

Тарен выпрямился.

Он оказался ещё выше, чем показалось сначала. Широкие плечи почти перекрывали дверной проём, чёрная рубашка была наспех застёгнута не на те пуговицы, поверх неё накинута длинный домашний камзол. Волосы тёмные, чуть длиннее обычного, на виске осталась светлая полоса от подушки. Мужчина явно спал, когда поднялась тревога, но сонное выражение исчезло, не успев появиться. Лицо у него было жёстким, худым, с резкой складкой между бровей. Не красивым в привычном смысле — слишком тяжёлый подбородок, слишком прямой рот, нос когда-то ломали. Такие лица не нравились на фотографиях и слишком хорошо запоминались при личной встрече.

Он посмотрел на племянницу или дочь — я пока не знала, кем приходились ему дети, — и только после этого на меня.

Глаза у него были светло-серыми. Не голубыми и не бесцветными, а именно серыми, холодными, с тонкой тёмной каймой по краю радужки. От этого взгляд казался нечеловечески внимательным.

— Отойдите от неё, госпожа Весс.

Я продолжала держать девочку.

— Она замёрзла.

— Отойдите.

— Ей нужен врач.

— Он уже идёт.

— Возможно, в лёгких осталась вода. Её нельзя сейчас укладывать на спину, следите за дыханием и...

Мужчина сделал шаг ко мне.

Все остальные отступили.

Не слишком заметно. Охранники лишь разошлись чуть шире, освобождая ему путь, а женщина у двери прижала ладонь к груди. Но я слишком долго работала с детьми, которые научились определять настроение взрослого по тому, как он ставит кружку на стол. Такие движения я замечала раньше, чем успевала задуматься.

Его боялись.

Не уважали, не просто слушались. Боялись так, как боятся большой собаки, выросшей в доме и пока ещё признающей хозяев.

— Я сказал, отойдите от ребёнка.

Девочка опять судорожно вдохнула.

Я осторожно передала её седой женщине.

Та приняла Нэль, запахнула полотенце и сразу попятилась. Будто я могла передумать и вырвать ребёнка обратно.

Тарен присел рядом с ними, коснулся двумя пальцами шеи девочки. Его рука на миг закрыла мою царапину на её коже.

— Нэль.

Она не ответила.

— Что с ней сделала эта дрянь? — выпалила женщина.

— Грета, — негромко произнёс Тарен.

Она сжала губы. На меня всё-таки взглянула и тут же отвернулась, но я успела увидеть в её лице не просто ненависть. Там было омерзение человека, которого заставили прикоснуться к чему-то грязному.

— Я не знаю, что произошло, — сказала я.

Риан всхлипнул от ярости.

— Врёт!

Тарен поднял голову.

— Риан. Расскажи с самого начала.

Мальчик стоял возле стены, сжимая и разжимая кулаки. Без арбалета он выглядел меньше. Девять лет, может быть, десять, хотя голодная худоба могла обманывать. Серые глаза, похожие на глаза Тарена, казались огромными на бледном лице.

— Я проснулся, потому что Нэль снова ходила, — начал он. — Её кровать была пустая. Я пошёл сюда, а дверь закрыта. Позвал её, но она не отвечала. Потом услышал воду.

— Дальше.

— Я принёс арбалет и выбил маленькое стекло.

В верхней части двери действительно имелось узкое окно. Одна из цветных пластин была разбита, на полу среди щепок лежали красные и синие осколки.

— Она стояла на коленях возле купели, — Риан показал на меня. — Держала Нэль за волосы и опускала лицом в воду.

Я невольно посмотрела на свои руки.

Под ногтями застряли голубые нити.

Ночная сорочка девочки была белой, с голубой вышивкой вокруг ворота.

— Ты видел её лицо? — спросила я.

Тарен повернул голову медленно, почти лениво, но мышцы на его скуле дёрнулись.

— Я не разрешал вам говорить.

— В окне темно, стекло цветное, а я стояла к двери спиной. Мне нужно понимать, что именно он видел.

— Я видел тебя! — крикнул Риан. — Ты повернулась, когда я выбил стекло. У тебя было такое лицо...

Он замолчал.

— Какое? — спросил Тарен.

Мальчик облизнул пересохшие губы.

— Будто ты не знала, кто я.

Я ничего не ответила.

Потому что это было правдой. Я не знала ни его, ни девочку, ни мужчину, который произносил приказы так тихо, что все торопились исполнить их до последнего слова. Не знала, где нахожусь. Не знала женщину по имени госпожа Весс.

Хуже того, я не знала, почему до сих пор не проснулась.

Галлюцинация после аварии могла быть подробной. Мозг вообще талантливая сволочь, когда пытается защитить себя от действительности. Он способен построить комнату, придумать незнакомые лица, добавить запах воска, мокрой шерсти и горьких трав. Мог заставить меня чувствовать боль в чужом виске.

Но вряд ли стал бы тратить последние силы на плохо застёгнутую рубашку Тарена или ноготь Риана, сломанный так глубоко, что под ним выступила кровь.

— Потом я залез через окно, — продолжил мальчик. — Она отпустила Нэль и встала. Я ударил её подсвечником.

Он указал на тяжёлую бронзовую ножку, валявшуюся возле стены. На одном из выступов темнела кровь.

Вот откуда боль в виске.

— Я вытащил Нэль из воды, а эта лежала. Потом встала и начала говорить, будто ничего не помнит.

— Ничего удивительного, — сказала я. — Ты раскроил мне голову.

Один из охранников издал звук, похожий на подавленный кашель.

Риан бросился ко мне, но Тарен успел схватить его поперёк груди. Мальчик забился у него в руках.

— Пусти! Пусти меня! Она издевается!

— Я не издеваюсь. Удар по голове действительно вызывает спутанность сознания. Это не означает, что ты поступил неправильно.

Он перестал вырываться.

Тарен тоже замер.

Несколько секунд в комнате слышалось только тяжёлое дыхание Нэль и потрескивание свечей. Вода под моими коленями успела стать ледяной.

— Госпожа Весс никогда не упускала случая наказать его даже за меньшую дерзость, — произнесла Грета. — А теперь благодарит за разбитую голову?

— Я не благодарила.

— Вы сказали, что он поступил правильно.

— Если всё было так, как он рассказывает, то правильно.

— Если? — переспросил Риан.

Я устало потёрла мокрое лицо. Пальцы дрожали, и скрыть это уже не получалось.

— Я не обвиняю тебя во лжи. Но сама ничего не помню. Последнее, что осталось у меня в голове, — автомобиль и снег. Ни тебя, ни эту комнату, ни купель я раньше не видела.

Мужчина за спиной Тарена перекрестился — не так, как крестились знакомые мне люди. Коснулся пальцами лба, горла и середины груди, изобразив вертикальную линию.

Грета побледнела.

Тарен отпустил Риана и встал.

— Назовите своё имя.

— Ася.

Ответ вырвался раньше, чем я успела решить, разумно ли вообще отвечать честно.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Полное.

— Ася Корнеева.

— Неправильно.

— Это моё имя.

— Вас зовут Лиора Весс. Вы приехали в Серый Утёс одиннадцать месяцев назад с рекомендациями от госпожи Лоор и последние восемь месяцев служите гувернанткой моих племянников.

Племянников. Значит, не отец.

Хотя девочка в руках Греты была так похожа на него формой бровей и линией подбородка, что родство не вызывало сомнений.

— Я не знаю никакой Лиоры.

— Очень предусмотрительно.

— Думаете, я это разыгрываю?

— Я думаю, вы достаточно хорошо знаете законы, чтобы понимать разницу между попыткой убийства и преступлением, совершённым в состоянии помрачения рассудка.

— Я не знаю ваших законов.

— Разумеется.

Он произнёс это без насмешки. От этого прозвучало хуже.

В комнату вбежал пожилой мужчина с кожаным чемоданчиком. Он был маленький, сухой, с совершенно лысой головой и густыми белыми бровями. Тарен сразу отошёл, освобождая место возле ребёнка.

— Вода, — коротко сказал он. — Возможно, Нэль находилась под ней несколько минут.

— Кто вытащил?

Риан поднял руку.

Лекарь быстро осмотрел мальчика.

— Хорошо. Молодец. Теперь отойди к господину Дорну и не мешай.

— Я не уйду от неё.

— Тогда сядь вон там и молчи.

Мальчик послушался. Наверное, впервые за эту ночь.

Лекарь расстегнул ворот сорочки Нэль, приложил ухо к груди и нахмурился. Затем вытащил из чемоданчика тонкую стеклянную трубку и баночку с жёлтым порошком.

— Не давайте ей ничего в рот, пока дыхание не выровняется, — сказала я.

Он посмотрел на меня поверх белых бровей.

— А вас учили лекарскому делу, госпожа Весс?

— Нет.

— Тогда не мешайте мне работать.

— Она может захлебнуться.

— Это средство не нужно глотать.

Он насыпал порошок в широкую часть трубки и поднёс её к носу девочки. От горького запаха та поморщилась, закашлялась сильнее и наконец открыла глаза.

Грета прижала её к себе.

— Моя крошка, слышишь меня? Нэлли?

Взгляд девочки скользнул по её лицу, по лекарю, Тарену, остановился на Риане. Маленькая ладонь выскользнула из полотенца и потянулась к брату.

Он подбежал, опустил рядом и схватил её пальцы обеими руками.

— Я здесь.

Нэль шевельнула губами.

— Не заставляй её говорить, — предупредил лекарь. — Дыши, дитя. Медленно.

Убедившись, что девочка пришла в сознание, Тарен повернулся к охранникам.

— Дорн, осмотрите её комнаты.

Я не сразу поняла, о ком речь.

— Зачем?

— Исключительно из любопытства.

— А если вы там что-нибудь найдёте?

— Тогда моё любопытство будет удовлетворено.

— Я имела в виду другое. Вы уверены, что найденное будет принадлежать мне?

— Больше никому ваша комната не принадлежит.

— Это не мешает другому человеку войти туда и что-нибудь оставить.

В его лице ничего не изменилось, но серые глаза стали чуть уже.

— Вы быстро освоились с ролью несправедливо обвинённой женщины.

— Я просто пытаюсь не позволить вам повесить на меня то, чего я не помню.

— Вас тревожит только то, что не помните?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что я не сразу уловила смысл.

Если Лиора действительно держала ребёнка под водой, провал в памяти не делал меня невиновной. Он лишь превращал произошедшее в преступление, совершённое чужими руками, которые теперь почему-то принадлежали мне.

Я посмотрела на Нэль. Она лежала у Греты на коленях, обхватив пальцы брата, и дышала открытым ртом. На шее, возле линии волос, виднелись красные следы. Не от удушения — скорее, кто-то удерживал её за затылок.

Моими пальцами.

Меня затошнило.

— Меня тревожит всё, — призналась я.

Тарен задержал на мне взгляд, после чего кивнул охраннику.

Тот вышел вместе со вторым мужчиной. Дверь оставили открытой. За ней тянулся широкий коридор с тёмными деревянными панелями, свечами в настенных держателях и длинным окном в самом конце. За стеклом метался снег.

Настоящий снег.

На миг мне показалось, что сейчас в коридоре мелькнут синие огни скорой помощи. Санитары разрежут ремень, вытащат меня из перевернутой машины и эта нелепая комната рассыплется. Я очнусь в реанимации, услышу, что Петю спасли, а всё остальное было работой повреждённого мозга.

Но за окном оставалась чёрная ночь. Ни дороги, ни фар. Только снежные хлопья, летящие почти горизонтально, и далёкий зубчатый силуэт гор.

Тарен проследил за моим взглядом.

— Решили, что через окно будет проще?

— Что?

— Сбежать.

— Я едва стою.

— Это никогда вас не останавливало.

Он, похоже, знал Лиору достаточно хорошо. И не мог её выносить.

— Какой она была?

— Кто?

— Лиора.

— Вы продолжаете говорить о себе в третьем лице?

— Ответьте.

— Нет.

— Почему?

— Не вижу смысла удовлетворять ваше любопытство.

Я чуть не рассмеялась, но вовремя остановилась. Обстановка не располагала, да и башка болела всё сильнее.

— Тогда скажите хотя бы, зачем вы держали её рядом с детьми, если настолько ей не доверяли.

Тарен посмотрел на Риана.

Тот услышал вопрос и опустил глаза.

— У Лиоры Весс были лучшие рекомендации, — вмешалась Грета. — Она знала придворный этикет, музыку, историю родов, два древних языка. Детям Северного дома нужна была образованная наставница.

— А что случилось потом?

— Вы перестали притворяться.

— Грета, — оборвал её Тарен.

— Что? Она спрашивает, какой была. Может, хоть сейчас услышит, если прежде не понимала. Слуги увольнялись из-за её доносов. Нэль запирали одну в тёмной комнате за то, что она плакала по ночам. Риана лишали еды. Она говорила, что делает из них настоящих Морвейнов.

Мальчик сжал пальцы сестры.

Я посмотрела на него внимательнее. Худоба могла объясняться чем угодно: болезнью, особенностями телосложения, последствиями стресса. Но ключицы слишком сильно выступали над воротом, а запястья казались тоньше рукояти арбалета.

— Почему вы позволяли это делать?

На этот раз тишина стала другой.

Не растерянной — опасной.

Грета отвернулась. Лекарь занялся чемоданчиком, хотя всё необходимое уже лежало перед ним. Риан не шевельнулся.

Тарен подошёл так близко, что мне пришлось поднять голову. От него пахло холодным воздухом, металлом и чем-то терпким, хвойным. На подбородке темнела щетина. У основания шеи, под расстёгнутым воротом, виднелся тонкий белый шрам.

— Вы очень хотите сделать меня виноватым, госпожа Весс?

— Я пытаюсь понять.

— Для женщины, которая ничего не помнит, вы задаёте вопросы удивительно точно.

— Так ответьте.

Он наклонился ко мне. Не угрожающе, не пытаясь напугать ростом, а будто хотел рассмотреть что-то в моём лице.

— Риан и Нэль молчали.

— Дети часто молчат.

— Я спрашивал.

— Значит, спрашивали так, что им было страшно ответить.

Тарен выпрямился.

Грета шумно втянула воздух. Один из оставшихся охранников посмотрел на потолок, словно заранее выбирал, за какую балку меня будут вешать.

Мне тоже следовало промолчать.

В нормальной жизни я умела разговаривать с агрессивными родителями, сотрудниками опеки и директорами школ, которые считали, что избитый одноклассниками ребёнок сам виноват, потому что «надо быть немного общительнее». Умела кивать, выбирать формулировки и не говорить вслух, что думаю о человеке.

Сейчас навык куда-то пропал. Возможно, остался в искорёженной машине вместе с моим телом.

Тарен протянул руку.

Я дёрнулась прежде, чем поняла, что он собирается сделать. Его пальцы остановились возле моего виска, не касаясь кожи.

— Кровь.

— Ваш племянник ударил меня подсвечником. Мы это уже выяснили.

— Рана глубокая.

— Не знаю. Я её не вижу.

Он вдруг взял меня за подбородок и повернул голову к свету. Хватка была осторожной, но такой сильной, что сопротивляться не имело смысла.

Я застыла.

Его зрачки сузились.

Не от света. Они вытянулись вертикально, превратившись в тонкие чёрные щели.

Я моргнула. Потом ещё раз.

Ничего не изменилось.

Тарен отпустил меня, а зрачки снова стали круглыми.

Понятно.

Либо у меня повреждение мозга серьёзнее, чем казалось, либо слово «альфа» в этом доме значило что-то совсем не то, что в привычной жизни.

Хотя никто пока не называл его альфой. Это слово возникло у меня в голове само — вместе с ощущением огромного зверя, стоящего слишком близко.

Я попятилась и упёрлась спиной в край купели.

Тарен заметил.

— Что вы увидели?

— Ничего.

Он не поверил. Но расспрашивать не стал.

Через несколько минут в коридоре послышались шаги. Начальник стражи вернулся с большим деревянным ящиком. Следом шёл второй охранник, неся ворох одежды и маленький кожаный чемодан.

Ящик поставили на стол.

— Комната была заперта изнутри? — спросил Тарен.

— Да, господин. Ключ лежал в кармане её плаща.

— Что нашли?

Мужчина по имени Дорн открыл крышку.

Сначала он достал украшения. Две цепочки, тяжёлый браслет с красными камнями, серьги в форме листьев, мужской перстень. Грета тихо выругалась.

— Браслет принадлежал покойной госпоже Лавене.

Тарен взял его, и впервые за всё время в его лице появилось что-то живое. Не боль — она прошла слишком быстро. Скорее, удар по старому месту, которое давно считалось онемевшим.

Он положил браслет на стол.

— Где?

— Под половицей возле кровати. Остальное там же.

— Я этого не прятала, — сказала я.

— Конечно.

— Даже если бы я была воровкой, зачем хранить всё в своей комнате?

— Чтобы продать позже.

— Под собственной половицей?

— Прислуга не имеет права входить к вам без разрешения. Никто бы не нашёл.

— Вы нашли.

— Потому что распорядился искать.

Логично. До оскорбительного логично.

Дорн вытащил из ящика небольшой холщовый мешок. Монеты высыпались на стол, зазвенели, закружились на ребре. Не рубли и не евро — толстые, неровные, с изображением коронованной женщины на одной стороне и звериной морды на другой.

Затем он открыл кожаный чемодан.

Внутри лежали стеклянные пузырьки.

Большинство были пусты. В двух оставалась прозрачная жидкость, в третьем — серебристый порошок, который при движении не осыпался вниз, а медленно поднимался по стенкам, словно не признавал обычной тяжести.

Лекарь резко протянул руку.

— Не открывайте.

Дорн замер.

— Что это? — спросил Тарен.

Пожилый мужчина подошёл к столу и наклонился над пузырьком. Его белые брови сошлись на переносице.

— Не уверен. Нужно проверить в лаборатории.

— Вы знаете этот знак?

На пробке был выжжен полумесяц, перечёркнутый тремя тонкими линиями.

Лекарь слишком долго смотрел на него.

— Знак старый.

— Мелс.

— Так помечали вещества, способные влиять на сознание. Их запретили после Белой горячки.

— Насколько давно?

— Почти двадцать лет назад.

Тарен перевёл взгляд на меня.

— Вы хранили в спальне запрещённый состав, украденные деньги и украшения моей семьи.

— Похоже на то.

— И всё ещё утверждаете, что не знаете, как они туда попали?

— Я утверждаю, что не знаю вообще ничего, произошедшего до того, как ваш племянник ударил меня подсвечником.

— Кроме собственного имени.

— Кроме имени и воспоминаний о своей жизни.

— В которой существовали автомобили и снег?

Я напряглась.

— Откуда вы...

— Вы сказали это несколько минут назад.

Конечно. Не нужно было искать мистику там, где хватало обычной внимательности.

— Да.

— Что такое автомобиль?

Все смотрели на меня.

Даже Риан.

Я могла объяснить. Рассказать про двигатель внутреннего сгорания, колёса, бензин, ремни безопасности и пробки в пятницу вечером. А затем плавно перейти к электричеству, самолётам, интернету и микроволновке, чтобы моё помешательство выглядело совсем убедительно.

— Повозка без лошадей.

— Она движется с помощью магии?

— Нет.

Тарен подождал продолжения.

— Я не сумею объяснить, — сказала я. — Во всяком случае, сейчас.

— Удобно.

— У вас сегодня это любимое слово?

Дорн отвёл взгляд. Кажется, чтобы скрыть улыбку.

Тарен не улыбнулся.

— Задержать её.

Охранники подошли с двух сторон.

— Подождите.

— Я ждал достаточно.

— Вы нашли порошок, влияющий на сознание, в комнате женщины, которая якобы пыталась утопить ребёнка. Вам не кажется, что прежде стоит проверить, давали ли этот порошок Нэль?

Мелс резко повернулся к девочке.

Тарен тоже посмотрел на неё.

— Порошок нашли у вас.

— Именно. Возможно, Лиора давала его детям. Возможно, кто-то давал его Лиоре. Или оставил пузырёк после того, как она стала неудобна. Вы ничего не знаете об этом веществе, но уже решили, что оно доказывает мою вину.

— Риан видел вас.

— Видел моё тело. Я не спору.

— Очень великодушно.

— Но если я действительно пыталась убить Нэль, почему она оказалась здесь одна? Где второй ребёнок? Почему дверь была закрыта, а ключ нашли в кармане моего плаща в другой комнате? Как я собиралась выйти?

Дорн нахмурился.

Тарен бросил на него короткий взгляд.

— Дверь могла закрываться без ключа?

— Да, господин. Снаружи достаточно захлопнуть. Изнутри нужен ключ или задвижка.

— Задвижка была опущена?

— Нет. Господин Риан открыл её через разбитое стекло.

Значит, Лиора могла привести девочку сюда, захлопнуть дверь и остаться внутри. Никакой загадки.

Я сама разрушила собственный довод.

— Всё равно проверьте ребёнка на действие порошка, — сказала я. — И Риана тоже.

— Он не был в воде.

— Я говорю не о воде.

Мальчик поднялся.

— Я ничего не пил.

— Я не утверждаю, что пил. Но ты ходишь во сне?

Он снова побледнел.

Грета прижала Нэль крепче.

— Откуда вы знаете?

— Риан сказал, что проснулся, потому что Нэль «снова ходила». Значит, это происходит не впервые.

— Дети иногда бродят по ночам, — вмешался Мелс. — В их состоянии...

— В каком состоянии?

Он посмотрел на Тарена, будто ответ принадлежал ему.

— Вас это больше не касается, госпожа Весс, — сказал тот.

— Пока вы считаете, что я пыталась убить девочку из-за её состояния, ещё как касается.

— Я не знаю, почему вы пытались её убить.

— Тогда вам всё-таки придётся выяснить.

Он подошёл вплотную. Охранники уже держали меня за руки, но Тарен, кажется, их не замечал.

— Вы не в том положении, чтобы предъявлять требования.

— А вы не в том, чтобы отказываться от вопросов. Если с детьми что-то происходит, следующий приступ может случиться уже без меня. Кого тогда обвините?

Грета тихо прошептала:

— Замолчите.

Совет был разумным и запоздалым.

На пальцах Тарена показались когти.

Сначала ногти потемнели, затем вытянулись, острые, чуть загнутые. Кожа на костяшках покрылась тонкими серыми волосками, под которыми перекатились мышцы.

Один из охранников сильнее сжал мой локоть.

Тарен посмотрел на собственную руку и медленно спрятал её за спину.

Лицо осталось человеческим.

Не знаю, чего я испугалась сильнее: когтей или того, как буднично остальные отвели глаза.

— В подземную камеру, — произнёс он. — Двойной караул. Ничего не давать без разрешения лекаря.

— Я всё ещё могу потерять сознание из-за удара.

— Тогда постарайтесь падать осторожнее.

Меня повели к двери.

Мокрая юбка путалась в ногах, босые ступни скользили по плитке. Оказывается, туфель на мне не было. Одна лежала возле купели, вторая под скамьёй. Никто не стал их поднимать.

Возле порога я оглянулась.

Риан сидел рядом с сестрой и гладил её по мокрым волосам. Теперь, когда непосредственная опасность миновала, его начинало трясти. Не от холода — мелкой, запоздалой дрожью, которая всегда приходила после того, как ребёнку больше не нужно было быть храбрым.

— Риан.

Тарен шагнул между нами.

— Не смейте обращаться к нему.

Мальчик всё равно посмотрел.

— Ты поступил правильно, — сказала я. — Если увидишь, что Нэль снова перестала дышать, поверни её на бок и зови взрослых. Не пытайся справиться один.

— Я всегда справляюсь один.

— Теперь не придётся.

Не знаю, зачем пообещала это. Возможно, привычка. Возможно, потому что он произнёс фразу, которую дети вообще не должны произносить таким голосом.

Тарен взял меня за плечо и сам вытолкнул в коридор.

— Уведите её.

Мы успели сделать несколько шагов.

— Тарен...

Голос Нэль был тихим, хриплым, но все слышали.

Мужчина мгновенно вернулся к ней. Девочка смотрела не на него — поверх его плеча, туда, где стояла я.

Свечи за спиной Греты дрогнули.

На стене вытянулись четыре тени: лекаря, экономки, Риана и маленькой Нэль. Только детская тень не оставалась неподвижной. Пока сама девочка едва могла поднять голову, чёрный силуэт выгнулся, раскрыл слишком длинные руки и будто попытался выползти из-под неё.

Я моргнула.

Тень снова стала обычной.

Нэль приоткрыла рот.

— Она вернулась, — прошептала девочка. — Женщина без лица.

Глава 2. Семь ночей

Слова Нэль шли за мной до самой подземной камеры.

Они не звучали эхом, не повторялись шёпотом в тёмных углах — для этого подземелье оказалось слишком прозаичным. Каменная лестница, сальные лампы в железных нишах, запах мокрой извести и старой золы. Один из охранников держал меня за локоть, второй шёл сзади, и оба старались не касаться ничем, кроме перчаток. Просто четыре слова засели в голове так удачно, что вытолкнуть их не получалось.

Она вернулась. Женщина без лица.

Вернулась — значит, уже приходила.

Когда перед тобой стоит девочка, едва не утонувшая в медной купели, это не самое важное слово в её фразе. Но я девять лет проработала с детьми, которые говорили о страшном так, будто обсуждали содержимое холодильника. Они редко выбирали слова случайно. Особенно сразу после испуга, когда взрослые ещё не успели объяснить, что именно ребёнок должен был увидеть.

— Ступень, — предупредил охранник справа.

Я всё равно споткнулась.

Чужая мокрая юбка обмотала щиколотки, пол ушёл из-под ног, и удержавший меня мужчина выругался сквозь зубы. Второй тут же схватился за рукоять короткого меча. Видимо, побег посредством падения с лестницы считался у Лиоры Весс проверенным приёмом.

— Если я решу напасть, — сказала я, выпрямляясь, — постараюсь предупредить заранее.

— Лучше молчите, госпожа.

— Это имя или совет?

Он посмотрел на меня с неожиданным интересом, затем отвернулся. Молодой, лет двадцати пяти, с красными от недосыпа глазами и свежей царапиной на подбородке. До этой ночи я наверняка знала, как его зовут. Возможно, жаловалась на него Тарену, добилась урезанного жалования или заставила чистить конюшни. Судя по тому, как осторожно он держался рядом, от прежней хозяйки тела можно было ожидать любой мелкой гадости.

Камера находилась в самом конце коридора. За решётчатой дверью обнаружили каменную лежанку, ведро, кувшин без воды и узкое отверстие под потолком, откуда тянуло снегом. На стене ржавел железный обруч с цепью.

— Серьёзно? — спросила я.

Охранник с царапиной посмотрел на обруч.

— Приказан двойной караул.

— Я про цепь.

— Пока не приказано.

— Какое облегчение.

Он открыл дверь и отступил, пропуская меня. Второй всё-таки вынул меч. Я вошла, стараясь не показывать, как дрожат колени. Решётка захлопнулась. Ключ повернулся дважды, хотя замок был один.

Охранники не ушли. Встали по обе стороны двери, уставились в противоположные стены и сделали вид, что меня не существует.

Пожалуй, это было взаимно.

Я села на лежанку. Камень оказался ледяным даже через несколько слоёв мокрой ткани. В виске дёргалось в ритме пульса, левое ухо слышало хуже правого, а внутри черепа что-то будто медленно переливалось при каждом движении. Ничего хорошего. При таких симптомах я должна была лежать в травматологии, отвечать, какой сегодня год, и злиться на мед-

сестру, запрещающую вставать. Вместо этого сидела в подвале у мужчины с когтями и пыталась решить, существовал ли ещё мой год.

Петя.

Имя всплыло сразу, стоило перестать думать о происходящем. Мальчик в перевёрнутой машине. Синяя шапка на полу, синяя подсветка магнитолы, обёртка от батончика, мой чехол для документов. Четыре вещи. Он плакал, пока мог, а потом стал отвечать всё реже. Я велела ему не закрывать глаза и сама закрыла.

Если здесь прошло несколько часов, там могли идти минуты. Если я умерла, то всё уже закончилось.

Я не знала, что хуже.

Из кувшина капнуло на пол.

Я машинально подняла голову. Внутри было пусто. Крупная капля собралась на внешней стороне глиняного горлышка, поползла вверх и исчезла за краем.

— Вы это видели? — спросила я.

Охранники не шелохнулись.

Подошла к решётке и посмотрела внимательнее. На дне кувшина блестела тонкая плёнка. Возможно, вода всё-таки оставалась, а из-за головокружения мне показалось, что капля двигалась неправильно. После мужчины, отравившего когти у меня на глазах, версия звучала почти разумно.

— Назад, — произнёс охранник с царапиной.

— Мне нужен врач.

— Лекарь придёт.

— Когда?

— Когда закончит с детьми.

Вот это уже было полезнее.

— Значит, Нэль жива.

Он сжал челюсти. Ответил не сразу:

— Пока да.

— А Риан?

— С ним ничего не случилось.

— Вы уверены?

Теперь на меня посмотрели оба.

— Я видела порошок, — продолжила я. — Тот самый, который нашли в моей комнате. Лекарь сказал, он влияет на сознание. Дети живут рядом со мной восемь месяцев, едят то, что я им даю, и Нэль не впервые ходит во сне. Если вы думаете, что вещества хватило только на одну попытку утопления, то вы думаете слишком удобно.

— Господин Морвейн приказал вам молчать, — сказал второй.

— Нет. Он запретил обращаться к Риану и велел отвести меня сюда. Про молчание вы придумали сами.

Мужчины переглянулись.

— Как вас зовут? — спросила я у того, что стоял ближе.

— Вам незачем знать.

— Значит, раньше я знала.

Он повернулся к стене.

Понятно. Лиору действительно ненавидели. Не опасались богатой чужачки и не презирали за заносчивость, а ненавидели с подробностями. У каждого в Сером Утёсе, похоже, имелась собственная причина. Если я собиралась прожить достаточно долго, чтобы разобраться с детьми и понять, куда делась моя настоящая жизнь, придётся собирать эти причины по одной.

Сначала, впрочем, следовало не умереть от переохлаждения.

Я сняла мокрый верхний слой юбки, отжала край и снова запахнула ткань вокруг ног. Под платьем обнаружилась тонкая сорочка, тоже насквозь промокшая, корсаж и несколько лент, назначение которых оставалось загадкой. Хорошая новость заключалась в том, что чужое тело было цело. Плохая — оно принадлежало женщине, которую собирались судить за попытку убить ребёнка.

На внутренней стороне правого предплечья виднелись три бледные точки. Ровные, расположенные дугой, будто следы от иглы. Я потёрла кожу. Старые, не меньше нескольких недель. Чуть выше, у локтевого сгиба, нашлась ещё одна.

— Лиора болела? — спросила я.

Никто не ответил.

— Ей делали уколы?

— Что делали?

— Вводили лекарство под кожу тонкой иглой.

Охранник с царапиной нахмурился.

— Кровопускание делают ножом.

— Значит, нет.

Я вернулась на лежанку. Следы могли оказаться укусами насекомых, ожогами, чем угодно. В этом мире даже капли воды ползали куда хотели, а я рассуждала так, будто мне выдадут результаты анализа крови и снимок головы.

Минут через двадцать пришёл Мелс.

Он принёс кожаный чемоданчик, сложенное серое одеяло и сухую мужскую рубашку. Последние два предмета передал охраннику, будто боялся, что я выхвачу их и задушу кого-нибудь рукавом.

— Нэль? — спросила я.

— Дышит.

— Хрипы есть?

— Я пришёл осматривать вас.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Дверь открыли. Мелс вошёл внутрь, а охранники остались в проходе, не опуская рук с оружия. Лекарь велел мне сесть ближе к лампе и распустил волосы над левым виском. Его пальцы были сухими и неожиданно тёплыми.

— Рана рваная, но кость цела. Тошнит?

— Да.

— В глазах двоится?

— Иногда.

— Сознание теряли?

— До того как очнулась на полу, не знаю.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Он раздвинул края раны. Я вцепилась пальцами в лежанку.

— Больно?

— Нет, просто люблю камень.

— Прежняя госпожа Весс кричала, если игла цепляла палец во время примерки.

— У прежней госпожи Весс не было моего виска.

Мелс замер всего на секунду. Затем промыл рану чем-то, пахнущим спиртом и полыньёю. Мир вспыхнул белым, в горле сразу стало тесно. Я считала до десяти, слушая, как лекарь раскладывает инструменты, и не позволила себе отодвинуться.

— Шить не стану, — решил он. — Стяну края. Если начнётся рвота или вы перестанете понимать речь, позовите караул.

— А если караул обрадуется и не позовёт вас?

Мужчина с царапиной за дверью насупился.

— Позовёт, — сказал Мелс. — Господин Морвейн не любит, когда приговорённые умирают раньше решения суда.

Он произнёс это так буднично, что смысл дошёл не сразу.

— Приговорённые?

— Оговорился.

— Не похоже.

Лекарь приложил к виску две узкие полоски ткани, смазанные прозрачной липкой мазью. В отличие от всего остального вокруг, способ показался почти современным.

— Что мне грозит?

— Суд.

— А после?

— Не двигайте головой.

— Что после суда?

Мелс прижал повязку сильнее, чем требовалось.

— За покушение на ребёнка Северного дома казнят.

Слова легли ровно. Без крика, без когтей, без решётки, захлопнувшейся за спиной. Поэтому поверить в них оказалось проще.

— Как?

— Вам важно?

— Я предпочитаю знать, чего бояться.

— На площади перед нижними воротами стоит плаха.

На этот раз я промолчала.

Голова вдруг прояснилась, будто внутри неё открыли окно. Я увидела ржавый обруч в стене, грязный край рукава Мелса, заусенец на собственном большом пальце. Всё стало слишком отчётливым.

Плаха. В этом мире не собирались учитывать, что я Ася Корнеева, тридцати двух лет, детский кризисный психолог, которая ни разу в жизни не держала человека лицом под водой. Тело принадлежало Лиоре, Риан видел Лиору, запрещённый порошок хранился у Лиоры, а украденный браслет покойной матери детей лежал под её половицей.

С точки зрения любого суда дело выглядело завершённым.

— Когда? — спросила я.

— Сначала вас допросит господин Морвейн. Потом придёт судья.

— Когда?

— До безлунной ночи. Через семь дней.

Семь дней.

В прошлой жизни за неделю можно было получить справку, если повезёт, или записаться на получение справки, если всё шло как обычно. Здесь мне предстояло доказать, что женщина, в чьём теле я очнулась, либо не пыталась убить Нэль, либо делала это не по собственной воле. При этом Риан видел её собственными глазами.

Я посмотрела на следы на предплечье.

— Этот порошок мог вызвать потерю памяти?

Мелс начал убирать пузырьки.

— Я не знаю, что это за вещество.

— Вы узнали знак.

— Знак ставили на десятках составов.

— Все влияли на сознание?

Он затянул ремешок чемодана.

— По-разному.

— Галлюцинации?

— Да.

— Хождение во сне?

Мелс поднял глаза.

— Иногда.

— Провалы в памяти?

— Иногда.

— Человек может совершить что-то и не понимать, что делает?

— Может.

— Значит, вы допускаете, что Лиора находилась под действием порошка.

— Я допускаю, что вы очень хотите это доказать.

— А дети?

— Что дети?

— У них те же симптомы.

— Вы видели Нэль несколько минут.

— И за эти несколько минут узнала, что она не впервые встаёт по ночам, не отвечает, когда к ней обращаются, и видит женщину без лица. Вы не удивились этим словам. Грета тоже. Значит, Нэль уже говорила о ней.

Мелс отвёл взгляд.

— Кошмары бывают у всех детей.

— А у Риана?

— Господин Риан здоров.

— Он девятилетний мальчик, который спит рядом с заряженным арбалетом и считает, что всегда должен справляться один. Это не очень похоже на здоровье.

— Я лекарь, а не толкователь детских капризов.

— Вот именно.

Он резко захлопнул чемоданчик.

— Следите за языком.

— Лучше вы следите за последовательностью событий. Нэль снова пошла во сне. Риан проснулся именно потому, что знал: такое уже случалось. Она оказалась в купальне с Лиорой, потом едва не утонула. У Лиоры нашли средство, вызывающее помрачение сознания. После пробуждения Лиора ничего не помнит. Если бы к вам принесли трёх больных из одного дома с одинаковыми симптомами, вы бы тоже назвали это совпадением?

Мелс смотрел на меня долго, без прежнего раздражения. На его лице появилось выражение человека, которому не понравилась мысль, но ещё меньше понравилось то, что она возникла не у него.

— У лунорождённых детей сон устроен иначе, — наконец произнёс он.

— Иначе — как?

— Вам это известно.

— Мне — нет.

— В вашем нынешнем представлении о себе?

— В любом.

Лекарь потёр переносицу.

— Волк приходит через сон. Сначала ребёнок слышит его, потом видит, учится идти следом, не теряя дороги назад. Первое обращение обычно случается между семью и десятью годами. До этого сны могут быть беспокойными.

— Нэль шесть.

— Да.

— А Риану девять. Он уже обращался?

Мелс снова посмотрел на дверь.

Охранники внезапно заинтересовались кладкой противоположной стены.

— Нет, — сказал лекарь.

— Почему?

— Потому что не каждый ребёнок развивается по вашей линейке, госпожа Весс.

— Я не говорила, что должен. Я спрашиваю, тревожит ли вас задержка у одного ребёнка вместе со слишком ранними симптомами у другого.

Он промолчал.

— Что происходит, если лунорождённому мешают видеть сны?

— Хватит.

Голос Тарена прозвучал из коридора.

Охранники одновременно выпрямились. Он стоял за ними уже достаточно давно, чтобы услышать конец разговора. Теперь рубашка была застёгнута правильно, мокрые волосы убраны назад, поверх чёрного камзола появился широкий ремень с ножнами. Бессонная ночь не сделала его мягче. Только тень под глазами стала заметнее.

Мелс поднялся.

— Рана неопасна, господин. Возможно лёгкое сотрясение. Я оставлю средство от боли.

— Не оставляйте, — сказал Тарен.

— Я не собиралась травиться вашим обезболивающим.

— Вы собирались использовать шпильку как оружие три месяца назад.

— Против кого?

— Горничной, которая принесла остывший чай.

Я закрыла глаза.

— Она выжила?

— По чистой случайности.

— Тогда пусть средство держит караул.

Мелс передал пузырёк мужчине с царапиной. Мне достались одеяло и рубашка. Когда лекарь вышел, охранники закрыли дверь, однако Тарен не ушёл. Поставил к стене стул, сел напротив решётки и положил на колени кожаную папку.

В мире существовали оборотни, магические порошки и женщины без лица. Папки, к моему разочарованию, остались прежними.

— Переоденьтесь, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Вы собираетесь сидеть здесь?

— За решёткой.

— Решётка прозрачная.

— Можете остаться в мокром платье.

Охранники старательно не поворачивали головы. Я сняла платье, завернувшись в одеяло, затем надела рубашку под ним. Рубашка доходила почти до колен и пахла мылом, железом и чужим телом. Судя по ширине плеч, принадлежала кому-то из караула. Мокрые одежды я сложила на край лежанки.

— Готово.

Тарен открыл папку.

— Лиора Весс. Двадцать пять лет. Родилась в Лаэрне. Отец — Рем Весс, архивист при Южном суде, умер шесть лет назад. Мать умерла при родах. Обучалась в пансионе госпожи Тарсы. Служила в трёх домах.

— И везде пытались утопить воспитанников?

— В первом доме вас уволили за связь с хозяином.

— Понятно.

— Во втором — за кражу.

— Ещё понятнее.

— Из третьего вас уволили после того, как семилетнего воспитанника нашли запертым на чердаке.

Я перестала поправлять одеяло.

— Кто его запер?

— Он назвал ваше имя.

— Этого никто не видел?

— Никто.

— И обвинение не доказали?

— А вы всё равно взяли Лиору к племянникам?

Мышца возле его рта напряглась.

— Ключ от чердака лежал в общей связке. Двое слуг могли взять его так же легко, как вы. Рекомендации госпожи Лоор подтверждали вашу благонадёжность и редкое образование.

Та же фамилия, что прозвучала раньше. Лоор.

— Кто она?

— Придворная сновидица.

— И вы доверяете ей?

— За неё ручается королевский дом.

Ответ прозвучал окончательно. Я отметила это про себя и не стала давить. Тарен перелистнул страницу.

— Вы прибыли в Серый Утёс одиннадцать месяцев назад. Первые три месяца занимались только обучением. Затем Грета стала замечать наказания, но дети отрицали, что вы причиняли им вред. Слуги тоже молчали. Те, кто не молчал, теряли места.

— По моим доносам.

— По вашим доносам, в которых всегда находились проверяемые подробности. Украденная ложка в сундуке прачки. Письмо любовнику у замужней горничной. Недостача в кладовой. Вы умели выбирать слабое место.

— А вы умели верить бумагам.

— Я был на границе.

Вот оно.

Не оправдание. Не просьба понять. Просто факт, положенный между нами острым краем.

— Сколько времени?

— Четыре месяца.

— Вы оставили детей с женщиной, которой не доверяли?

— Тогда я ещё доверял.

— А когда вернулись?

— Они продолжали молчать.

Я вспомнила Риана, державшего арбалет так, будто это не впервые. «Я всегда справляюсь один».

— Дети молчат не потому, что им нечего рассказать.

— Вы уже говорили.

— Видимо, недостаточно понятно.

Серые глаза потемнели. Не изменили цвет — просто зрачки расширились, и на миг мне снова показалось, что из-за человеческого лица смотрит кто-то другой.

— Я был понятливее, чем вам кажется. Три недели назад вы получили приказ не оставаться с ними без Греты. Два дня назад я сообщил, что нашёл нового наставника и после передачи дел вы покинете Серый Утёс. Сегодня ночью Нэль оказалась под водой.

Мотив.

Для суда — почти идеальный. Лиора понимала, что потеряет место, доход и, возможно, возможность вынести спрятанные ценности. Решила отомстить или убрать ребёнка, который мог заговорить. Оставался вопрос, зачем она заперлась вместе с жертвой, но паника редко строила безупречные планы.

— Что именно Нэль говорила о женщине без лица?

— Вопросы задаю я.

— Тогда задайте этот.

— Где вы взяли серебряный порошок?

— Не знаю.

— Куда собирались увезти украшения?

— Не знаю.

— Кто помогал вам обыскивать комнаты?

— Не знаю.

— Что произошло в купальне?

— Не знаю.

Он захлопнул папку.

— Удобная болезнь.

— Мне она тоже не нравится.

— Вы утверждаете, что прожили другую жизнь.

— Да.

— Где?

Я назвала город, страну, год. Объяснила, что работала психологом с детьми после насилия, аварий, пожаров и смерти близких. Слова приходилось подбирать. «Психолог» ничего ему не говорило, «врач души» звучало так, будто я торговала амулетами, а слово «психика» Мелс наверняка признал бы разновидностью кишечника. В итоге я сказала, что учила детей жить после того, что с ними сделали взрослые.

Тарен выслушал без единого вопроса.

— И вы хотите, чтобы я поверил, будто женщина, мучившая моих племянников, за несколько минут стала защитницей детей.

— Нет. Это звучит глупо даже для меня.

— Наконец-то.

— Я хочу, чтобы вы проверяли не мою историю, а то, что происходит с Рианом и Нэль.

— Мелс их осмотрел.

— Мелс ищет раны, жар и сломанные кости. Нэль говорила о женщине без лица раньше?

Тарен молчал.

— Она вернулась, — напомнила я. — Так говорят о том, кого уже видели.

— Четыре месяца назад Нэль начала просыпаться с криком. Она утверждала, что женщина без лица стоит возле кровати и просит открыть дверь.

— Какую дверь?

— Она не знает.

— Что было потом?

— Вы заперли её в тёмной комнате.

— Зачем?

— Сказали, что темнота научит отличать сон от яви.

У меня свело пальцы. Я разжала кулак и только тогда заметила, как ногти впились в ладонь.

— После этого она перестала рассказывать.

— Именно этого вы и добивались.

— Не я.

— Тело ваше.

— Да. И если хотите, можете повторять это после каждого моего ответа. Но Нэль от этого не станет безопаснее.

Тарен встал. Стул скрипнул по камню.

— Вы увидите судью через семь дней. До этого останетесь здесь.

— Позвольте осмотреть детей.

— Нет.

— Тогда приведите сюда Мелса, я скажу ему, что искать.

— Вы не прикаснётесь к ним.

— Вы не слышали? Я прошу дать указания лекарю.

— От женщины, не знающей разницы между лунорождённым и человеком?

— Зато я знаю разницу между единичным кошмаром и повторяющимся симптомом.

Риан заметил ночные хождения раньше всех, потому что спит вполглаза. Нэль видит одну и ту же фигуру. Оба ребёнка скрывают происходящее от взрослых. У одного не наступает обращение, у другой волк приходит слишком рано. В комнате их наставницы находят вещество, способное отнять память и нарушить сон. А сама наставница внезапно не помнит даже собственного имени. Сколько совпадений вам нужно?

Он подошёл к решётке.

— Что вы предлагаете искать?

— Не знаю, пока не увижу их. Одинаково ли реагируют зрачки, холодеют руки, появляется дрожь, меняется запах кожи — всё, что для вашего лекаря привычно и потому незаметно. Мне нужно знать, что они ели и пили, какие лекарства получали, когда начались первые кошмары, что происходило перед каждым приступом.

— Вы уже задавали им вопросы. Умеете делать это так, чтобы они отвечали то, что вам нужно.

— Да.

Он ожидал отрицания и на миг растерялся.

— Любой взрослый умеет. Разница в том, что я не собираюсь вкладывать им ответ в рот. Пусть Мелс присутствует. Грета. Вы сами. Свяжите мне руки, если без этого спокойнее.

— Спокойнее мне будет, когда вы окажетесь по другую сторону стены.

— А им?

Тарен взялся за прут решётки. На коже у ногтей проступила тёмная полоска.

Я вдруг поняла, что он не просто злится. Человек, который был на границе, пока в его доме мучили детей погибшего брата, не мог отмотать четыре месяца назад и остаться. Поэтому он пытался найти точку, где ещё можно было что-то исправить. Снять Лиору с должности. Поставить караул. Допросить прислугу. Теперь — запереть меня глубже и проследить, чтобы суд состоялся.

Только это не помогало Нэль.

— Если я ошибаюсь, — сказала я тише, — вы потеряете час. Если права, семь дней могут оказаться слишком щедрым сроком.

В коридоре потрескивала лампа. Один из охранников переминался с ноги на ногу, металл на ножнах тихо тёрся о камень.

Тарен отпустил прут.

— Откройте.

— Господин? — переспросил мужчина с царапиной.

— Вы слышали.

Замок щёлкнул.

— Руки, — приказал Тарен.

Я протянула их. Охранник надел на запястья широкие кожаные ремни, соединённые короткой цепочкой. Затянул не до боли, но достаточно, чтобы я не могла развести локти.

— Вы проведёте осмотр один раз, — сказал Тарен. — В присутствии лекаря, Греты и двух стражников. Если подойдёте к детям без разрешения, я сломаю вам шею раньше, чем они успеют вынуть мечи.

— Очень точные условия.

— Не сомневайтесь ни в одном.

Я не сомневалась.

За время, проведённое в подвале, Серый Утёс успел приблизиться к утру.

За высокими окнами всё ещё было темно, но снег посветлел, превратился из белых хлопьев в серую плотную сетку. Слуги уже не прятались. Они стояли в нишах, выглядывали из-за приоткрытых дверей, замирали с корзинами и кувшинами в руках. Новость о мокрой гувернантке, которую ведут по дому в мужской рубашке, одеяле и наручах, распространялась быстрее, чем мы шли.

— Можно было дать мне платье, — сказала я.

— Можно было не пытаться утопить ребёнка, — отозвался Тарен.

— Справедливо.

Охранник слева издал короткий звук и сразу закашлялся. Тарен повернул голову. Мужчина стал серьёзным так быстро, будто умел менять лицо вместе с формой.

Детей перенесли в комнату Тарена. Я поняла это по взрослой кровати, оружейной стойке у стены и запаху хвои, который уже запомнила. Просторное помещение выглядело необжитым: тяжёлый шкаф, стол с картами, два кресла, узкая полка книг. Ни безделушек, ни портретов, ни вещей, выбранных просто потому, что нравились. Теперь посередине поставили детскую кровать, а рядом устроили лежанку для Риана.

Он не лежал.

Мальчик сидел на краю постели сестры, одетый в сухую рубашку, и держал на коленях обнажённый охотничий нож. Слишком большой для его руки. Увидев меня, вскочил.

— Зачем вы её привели?

— Я разрешил осмотр, — сказал Тарен.

— Она не будет трогать Нэль.

— Не буду, если Нэль не разрешит.

Риан сжал рукоять.

— Ты всегда делаешь что хочешь.

— Возможно, раньше делала.

— Не говори так, будто это была другая женщина!

Крик разбудил Нэль. Она пошевелилась под толстым меховым покрывалом, открыла глаза и сразу стала искать брата. Риан сел рядом. Нож остался в руке.

Грета стояла у изголовья, Мелс — возле стола. Лекарь явно уже сообщил, что идея принадлежит мне, потому что экономка смотрела так, словно я уговорила его вскрыть ребёнку грудную клетку.

— Сначала уберите оружие, — сказал Тарен.

— Нет.

— Риан.

— Она пыталась убить Нэль.

— Поэтому госпожа Весс в ремнях, а рядом с ней пятеро взрослых, которым я доверяю.

— Мелсу вы доверяете даже после сегодняшнего осмотра?

— Я могу вернуть вас в камеру, — предупредил тот.

Риан не улыбнулся, но нож немного опустил.

— Положи его рядом, — сказал Тарен. — Не отдавай. Просто освободи руки.

После короткого колебания мальчик положил нож на покрывало. Тарен не попытался забрать. Хорошее решение. Взрослые слишком любили вырывать у ребёнка единственное, что давало ощущение безопасности, а затем удивлялись, почему тот кусается.

Я остановилась в нескольких шагах от кровати.

— Нэль, ты меня слышишь?

Девочка смотрела на кожаные ремни у меня на запястьях.

— Да.

Голос оставался хриплым.

— Я хочу задать несколько вопросов. Можно?

Она покосилась на брата.

— Не отвечай, — сказал Риан.

— Это тоже можно, — продолжила я. — Можно не отвечать. Можно попросить меня уйти. Можно отвечать Грете или Тарену, если со мной не хочется разговаривать.

— А если она соврёт? — спросил Риан.

— Тогда ты меня поправишь.

— Ты накажешь.

— Нет.

— Ты всегда говорила, что ложь пачкает кровь.

— Глупость какая.

В комнате стало тихо.

Грета открыла рот, но не нашлась с ответом. Нэль смотрела на меня внимательнее. У неё были светло-серые глаза, почти прозрачные после слёз, и бледное лицо, на котором особенно резко выделялись покрасневшие веки. Дышала она часто, однако без прежнего свиста.

— Начнём с простого, — сказала я. — Что ты помнишь перед купальней?

— Я спала.

— Что тебе снилось?

Маленькие пальцы сжали край покрывала.

— Не спрашивай, — попросил Риан.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Потом она опять придёт.

— Женщина без лица?

Нэль закрыла глаза.

Риан подался к ней, заслоняя от меня, и в этот момент его зрачки дрогнули. На секунду серые радужки залило чёрным от центра к краям, словно в них растеклись чернила. Мальчик моргнул, и всё исчезло.

Никто не отреагировал.

Кроме Тарена.

Он стоял позади меня, но я услышала, как резко оборвался его вдох.

— Это нормально? — спросила я.

— Что? — Риан нахмурился.

— Твои глаза.

Мальчик отвернулся.

— Госпожа Весс, — вмешался Мелс, — не превращайте обычную реакцию лунорождённого в представление.

— Обычную реакцию на что?

— На угрозу.

— Я стою в трёх шагах со связанными руками.

— Угроза не всегда держит оружие.

Это предназначалось Лиоре. Спорить с чужой репутацией было бессмысленно, поэтому я снова обратилась к Нэль:

— Ты увидела женщину и проснулась?

Девочка чуть заметно качнула головой.

— Она позвала.

— Куда?

— Купаться.

Риан побелел.

— Раньше ты не говорила.

— Ты спал.

— Я всегда слышу.

— Не всегда.

В её голосе впервые появилось что-то детское — слабая обида на брата, который оказался не всемогущим. Риан растерялся сильнее, чем от любого моего вопроса.

— Она говорила вслух или во сне? — спросила я.

— Во сне. Потом я встала, а сон не закончился.

— Ты видела дорогу до купальни?

— Видела платье.

Нэль посмотрела на меня.

— Моё? — уточнила я.

Она кивнула.

— Я шла впереди?

— Нет. Платье шло.

По спине прошёл холод.

— А лицо?

— Его не было.

— У меня?

— У неё.

Тарен шагнул ближе.

— Нэль, посмотри на госпожу Весс. Это была она?

Девочка послушалась. Её взгляд прошёл по моему лицу, задержался на повязке, затем опустился к связанным рукам.

— Волосы такие.

— А лицо?

— Я же сказала. Лица не было.

Тарен нахмурился.

— Риан видел госпожу Весс у купели.

— Я видел её, — огрызнулся мальчик. — Когда залез внутрь, у неё уже было лицо.

— Уже? — повторила я.

Он понял, что сказал, и упрямо сжал рот.

— До того как разбил стекло, ты видел женщину через дверь, — продолжила я. — Цветное окно, темнота, вода, волосы. Потом залез и увидел Лиору. Это мог быть один человек. А могло быть два разных момента.

— Ты держала Нэль.

— Да. Этого я не отрицаю.

— Держала под водой!

— Когда ты разбивал окно или когда уже оказался внутри?

Риан вскочил. Нож соскользнул с покрывала, Тарен поймал его за рукоять прежде, чем лезвие ударилось об пол.

— Она запутывает! — закричал мальчик. — Опять!

— Я уточняю.

— Ты сказала, если я буду говорить про женщину, Нэль увезут в Дом тишины!

Грета прижала ладонь ко рту.

Тарен не двинулся. Только пальцы на рукояти ножа побелели.

— Когда? — спросил он.

Риан осёкся.

— Когда госпожа Весс это сказала?

— После первого раза.

— Четыре месяца назад?

Мальчик кивнул.

— Почему ты не рассказал мне?

— Тебя не было.

— После моего возвращения.

Риан взглянул на дядю исподлобья.

— Ты бы спросил её.

Этого хватило.

Тарен медленно положил нож на стол. Его рука дрожала. Совсем немного, но дрожала.

— Что такое Дом тишины? — спросила я.

— Место для тех, кто не способен удержать своего волка, — ответил Мелс. — Там им помогают.

Риан рассмеялся. Коротко и зло.

— Их привязывают к кровати.

— Тебе это кто сказал?

— Она.

Все посмотрели на меня.

Конечно.

Я опустила на корточки. Не приближаясь, просто чтобы оказаться ниже и не нависать над детьми. Мужская рубашка натянулась на коленях, одеяло сползло с плеча, и охранник у двери нервно переступил. Пожалуй, Лиору он опасался не зря, но сейчас мне было не до приличий.

— Риан, я не могу заставить тебя поверить, что не помню этих слов. Но могу сказать точно: если взрослый обещает наказать ребёнка за рассказ, он боится не лжи. Он боится, что ребёнку поверят.

— Ты всё равно она.

— Для тебя — да.

Ответ заставил его замолчать.

— И ты не обязан сейчас решать, кто я, — продолжила я. — Просто расскажи Тарену то, что скрывал. Не мне.

Риан посмотрел на дядю. Тарен выдержал его взгляд, не подошёл, не стал просить или приказывать. В эту минуту он был похож не на альфу и не на хозяина Серого Утёса, а на мужчину, который понимал: любое движение может захлопнуть дверь, уже приоткрывшуюся на несколько сантиметров.

— Нэль видела её много раз, — произнёс мальчик. — Сначала только во сне. Потом стала вставать. Иногда я просыпался, а она стояла у двери. Один раз была на лестнице. Не отвечала. Я возвращал её в кровать.

— Почему ты не звал взрослых? — спросил Тарен.

— Я позвал Грету. Она привела её.

Он кивнул на меня.

Экономка побледнела.

— Я думала, госпожа Весс знает, что делать. Она была наставницей. А потом Нэль перестала ходить.

— Нет, — сказал Риан. — Просто тихо вставала.

Грета пошатнулась и опёрлась о спинку кровати.

— Сколько раз? — спросила я.

— Не знаю.

— Примерно. Больше пяти?

— Больше.

— Десяти?

Он пожал плечами.

— Это случается каждую ночь?

— Нет. Иногда долго ничего. Потом несколько ночей подряд.

— После чего начинается?

Риан задумался.

— После дождя?

— Здесь зима.

— Осенью тоже было.

— Новое лекарство, письмо, гость, еда, урок? Что повторялось?

— Ты давала нам молоко.

Теперь замер Мелс.

— Какое молоко? — спросила я.

— Серое. Говорила, для хороших снов.

— Вы знали? — Тарен повернулся к лекарю.

— Я выписал укрепляющий настой после осенней лихорадки. Его следовало разводить в тёплом молоке.

— Как выглядел настой?

— Тёмная жидкость. Горькая. Никакого серебра в ней нет.

— Кто хранил пузырёк?

Мелс посмотрел на Грету.

— Сначала я, — сказала она. — Потом госпожа Весс заявила, что детям неприятно принимать лекарство при слугах. Забрала к себе.

— Сколько они его пили?

— Десять дней. Так было велено.

— Мы пили дольше, — возразил Риан. — Она приносила иногда.

— Когда?

— Когда приходили письма с синей печатью.

Тарен очень медленно повернулся к нему.

— Какие письма?

— Не знаю. Она забирала их сама.

— Почему ты запомнил печать?

— Нэль украла одну. Хотела сделать луну из воска.

— Я не украла, — прошептала девочка. — Она лежала в огне.

— Где воск?

Нэль потянула руку к груди, потом остановилась.

— Выбросила.

Ложь была очевидной. Детская, неумелая, сказанная после короткого взгляда на шкаф.

Тарен тоже заметил и двинулся туда.

— Не надо, — попросила Нэль.

Он остановился.

— Почему?

— Она узнает.

— Кто?

Нэль не ответила.

Я осторожно села на пол. Камень холодил даже через рубашку, зато теперь девочке не приходилось смотреть на меня снизу вверх.

— Воск можно не отдавать, — сказала я. — Просто покажи место кому-нибудь, кому доверяешь.

— Риану.

— Хорошо.

Мальчик отодвинулся от кровати. Открыл нижнюю дверцу шкафа и вытащил из-под стопки полотенец маленького тряпичного зайца. Игрушка была старая, с одним ухом и пуговицей вместо глаза. На животе грубо зашит разрез.

Риан распорол нитки найденным ножом.

Из зайца выпала восковая пластинка размером с ноготь. Синяя, помятая, с отпечатком полумесяца и трёх тонких линий.

Та же метка, что на пробке пузырька.

Мелс тихо выругался.

Тарен взял печать за край.

— Это было на письме госпоже Весс?

Нэль кивнула.

— Почему спрятала?

— Она разозлилась. Искала. Сказала, плохие дети теряют лица.

Девочка закрыла ладонями щёки.

Внутри меня что-то сдвинулось. Не жалость — она пришла раньше. Холодная, очень простая злость, с которой легче работать, чем со страхом. Лиора могла быть под воздействием порошка. Могла выполнять чужие приказы. Могла ничего не помнить. Но угрозу шестилетней девочке она выбирала сама. И если часть этой женщины ещё оставалась в теле, я надеялась, ей было тесно.

— Посмотрите её руки, — сказала я Мелсу.

— Я уже осмотрел.

— Ещё раз. Ногти, запястья, сгибы локтей. У меня на руке есть следы.

Лекарь подошёл. Нэль сразу отпрянула.

— Я не причиню боли.

— Не обещайте, — резко сказала я.

Он обернулся.

— Что?

— Не обещайте, если не знаете. Скажите, что будете делать.

Мелс раздражённо выдохнул, но послушался:

— Я посмотрю твои пальцы и руки. Потом приподниму веки. Больно быть не должно, но если будет неприятно, скажешь.

Нэль не убрала ладони.

— Можно Грета подержит мою руку?

— Можно.

Экономка села рядом, укутала девочку и протянула ладонь. Только после этого Нэль позволила Мелсу себя коснуться.

На пальцах ничего не было. Ни серебряного порошка, ни проколов. Но когда лекарь оттянул нижнее веко, по серому глазу прошла тонкая чёрная рябь. Не изменение зрачка, как у Риана. Скорее тень от облака — если бы облако двигалось под роговицей.

— Вы это видели? — спросила я.

Мелс не ответил.

Проверил второй глаз. Затем велел Нэль открыть рот, посмотрел язык, дёсны, провёл пальцами по шее.

— Что? — потребовал Тарен.

— Я не знаю.

— Это не обычное обращение?

— Нет.

— А у Риана?

Мальчик отступил.

— Я здоров.

— Я только посмотрю глаза, — сказал Мелс.

— Нет.

— Риан, — начал Тарен.

— Не приказывайте, — перебила я.

Он взглянул так, что охранники у двери подобрались.

— Я сам решу, как говорить с племянником.

— Тогда решите не превращать осмотр в наказание.

— Она хочет запутать! — выпалил Риан. — Нэль поверила, а потом она опять...

Голос сорвался. Мальчик отвернулся, но я успела заметить, как дрогнул подбородок.

— Ты прав, — сказала я.

— Что?

— Нельзя доверять мне только потому, что я говорю мягче. Это ничего не доказывает.

Он смотрел настороженно, ожидая продолжения.

— Поэтому не мне. Мелсу. Грете. Тарену. Выбери сам, кто будет рядом. Или откажись. Но если с тобой происходит то же, что с Нэль, лучше узнать сейчас.

— Я не хожу во сне.

— Зато не обращаешься.

Риан вздрогнул, будто я ударила.

Мелс нахмурился.

— Это не болезнь.

— Возможно. Но вы сами сказали, что волк приходит через сон. Если кто-то вмешивается в сны, логично проверить того, чей волк не может пройти.

— Мне девять, — тихо сказал Риан. — Ещё есть время.

— Конечно.

— Остальные уже могут.

— Остальные не ты.

Он сжал кулаки.

— Ты говорила, что я пустой.

Тарен закрыл глаза.

Всего на мгновение. Но в этой комнате никто больше не делал вид, что не слышит.

— Я говорила много мерзостей, — ответила я. — Эта — ещё и глупая.

— Потому что теперь боишься плахи?

Умный мальчик.

— В том числе.

Риан растерялся.

— Я боюсь умереть, — продолжила я. — И хочу найти то, что поможет мне не умереть.

Но это не значит, что с вами ничего не происходит. Две причины могут существовать одновременно.

Тарен посмотрел на меня иначе. Недоверие никуда не делось, ненависть тоже. Просто между ними впервые появилось что-то ещё — внимание без заранее подготовленного ответа.

Риан сел на край лежанки и протянул руку Мелсу.

— Только глаза.

— Только глаза, — согласился лекарь.

Сначала всё выглядело нормально. Потом Мелс поднёс ближе лампу, и Риан резко отвернулся. На белке правого глаза лопнул тонкий сосуд. Из красной точки к радужке тянулась серебристая нить.

Настоящая. Не отблеск.

Лекарь попытался коснуться века, но мальчик отшатнулся.

— Достаточно.

— Риан...

— Ты обещал.

Мелс убрал руки.

— Что это? — спросил Тарен.

— Возможно, след состава.

— Возможно?

— Я не видел подобного прежде.

— Но оба ребёнка отравлены?

— Я этого не говорил.

— Тогда скажите что-нибудь полезное.

Лекарь побледнел.

— Мне нужно исследовать порошок. И воск. Проверить всё, что они принимали.

— До проверки дети ничего не едят и не пьют без вашего разрешения, — распорядился Тарен. — Еду готовят при Грете. Воду берут из внутреннего колодца, ведро и кувшины после этого опечатывают. Комнаты обыскать.

— Так вы напугаете их ещё сильнее, — сказала я.

— Лучше страх, чем яд.

— Не всегда.

— Я не спрашивал.

Он уже вернулся к привычному голосу, от которого люди торопились выполнять приказ до конца фразы. Только теперь этот голос был направлен не на меня.

Дорну, стоявшему у двери, велели поднять всю ночную стражу, проверить письма, найти записи о доставках и никого не выпускать из Серого Утёса до особого приказа. Второго охранника отправили в мою комнату за каждой бумагой с синей печатью. Грета должна была составить список уволенных слуг и вспомнить все случаи, когда Лиора оставалась с детьми после введённого запрета.

Серый Утёс просыпался вокруг одной найденной восковой луны.

Я поднялась с пола, придерживая сползающее одеяло.

— Мне нужно наблюдать за их сном.

Тарен повернулся.

— Нет.

— Днём симптомы почти незаметны. Всё происходит ночью.

— Вы не останетесь с ними.

— Разместите меня за дверью. За решёткой. Привяжите к стулу, если вам так нравится мебель с цепями. Но если Нэль снова встанет, меня нужно позвать сразу, а не после того, как она дойдёт до следующей купели.

Риан покосился на меня.

— Зачем?

— Чтобы разбудить её до того, как сон поведёт дальше.

— Ты умеешь?

— Не знаю.

Он явно не ожидал такого ответа.

— Но попробуешь?

— Да.

— Даже если она станет волком?

Мелс резко повернулся к нему.

— Почему ты спрашиваешь?

Риан опустил глаза.

— Иногда у неё шерсть на руках.

Грета тихо охнула.

— Ей шесть, — сказал Тарен.

— Я знаю.

— Когда?

— Ночью. Потом исчезает.

— Почему ты молчал?

— Потому что Дом тишины!

Он выкрикнул это и тут же прижал ладонь ко рту, будто признание могло вылететь дальше и само добраться до нужных людей.

Тарен сел рядом с ним. Не коснулся — просто оказался близко.

— Никакого Дома тишины не будет.

— Ты не можешь обещать.

— Могу.

— Если она станет зверем...

— Значит, я научу её возвращаться.

— А если ты не успеешь?

— Успею.

Вот теперь Тарен солгал. Не потому, что хотел обмануть. Потому, что иногда взрослому приходится на несколько минут стать стеной, даже если сам он состоит из плохо скреплённых камней.

Риан поверил не до конца. Но позволил дяде положить ладонь себе на затылок и наклонился ближе.

Я отвернулась.

Не из деликатности. Просто слишком ясно вспомнила Петину руку в своей. «Мы найдём пятую синюю вещь». Я тоже обещала.

— Госпожа Весс.

Тарен уже стоял.

— Я слушаю.

— У вас семь ночей.

— До суда?

— До безлунной ночи. Вы останетесь в комнате рядом с детской, под караулом. Будете присутствовать при осмотрах и отвечать на вопросы Мелса. Ни еды, ни лекарств, ни прикосновений к детям без разрешения. Если попытаетесь бежать, передать письмо или остаться с ними наедине, срок закончится раньше.

— А если я найду причину?

— Тогда судья её услышит.

— И вы?

— Я уже слышу.

Это не было обещанием поверить. Но от него я пока и не ждала большего.

Охранник подошёл, собираясь увести меня. Нэль зашевелилась под покрывалом.

— Подожди.

Все остановились.

Девочка смотрела на меня, прижав тряпичного зайца к груди. Разрез на его животе так и остался распоротым, изнутри торчала серая шерсть.

— А у тебя теперь есть лицо? — спросила она.

— Кажется, да.

— Оно твоё?

Я не нашлась с ответом.

Нэль протянула руку. Не ко мне — к лампе, стоявшей на столике у кровати. Свет прошёл сквозь тонкие пальцы, сделал кожу розовой. На запястье проступила серебряная точка.

Сначала я решила, что это капля воды. Потом точка вытянулась, разделилась надвое и поползла вверх по внутренней стороне руки.

— Мелс, — позвала я.

Лекарь наклонился.

Под кожей Нэль медленно раскрылись два серебряных крыла.

Не рисунок. Не сосуд. Маленькая бабочка, тонкая и яркая, будто сложенная из найденного порошка. Она шевельнулась у локтевого сгиба, сомкнула крылья и снова расправила их.

А затем поползла к плечу.

Глава 3. Дом, который не спит

Серебряная бабочка добралась до плеча Нэль раньше, чем Мелс успел открыть чемоданчик.

Девочка вскрикнула и вцепилась в край покрывала. Под тонкой тканью ночной сорочки что-то шевельнулось, обогнуло ключицу и остановилось возле основания шеи. Кожа над ним побледнела, натянулась. На секунду мне показалось, что маленькие крылья сейчас прорежут её изнутри, но вместо этого серебро разошлось тонкими нитями и исчезло под воротом.

— Не трогайте, — сказала я.

Мелс уже держал в руке узкий нож.

— Оно движется к голове.

— И вы хотите вскрыть ей шею?

— Я хочу остановить состав.

— Вы даже не знаете, состав ли это.

— Зато вы, разумеется, знаете.

Он шагнул к кровати. Нэль дёрнулась от ножа, Риан встал перед сестрой, а Тарен перехватил лекаря за запястье. Не резко. Просто рука Мелса перестала двигаться, будто оказалась зажата в дверях.

— Сначала объясните, что собираетесь делать.

Пожилой мужчина посмотрел на пальцы альфы, сомкнувшиеся поверх его рукава.

— Сделать надрез над серебряной нитью и попытаться извлечь её до того, как она уйдёт глубже.

— А если это часть обращения?

— Тогда я причиню вред вашему волку.

— Моему?

Мелс побледнел.

— Волку девочки. Я оговорился.

Тарен отпустил его, но нож не вернул. Положил на стол рядом с охотничьим клинком Риана, и два лезвия остались лежать там, одинаково бесполезные.

Нэль снова вскрикнула. Серебряная точка появилась за ухом, на миг раздвоилась, затем поползла по линии волос. Девочка попыталась почесать кожу, Грета поймала её руку.

— Чешется, — пожаловалась Нэль.

— Больно? — спросила я.

— Жжётся.

— Как крапива или как огонь?

Она зажмурилась, прислушиваясь к себе.

— Как когда нога спит.

Значит, покалывание. Не то чтобы хорошая новость, но лучше, чем боль от разрывающей кожи.

— Поднесите лампу ближе.

— Зачем? — Мелс всё ещё смотрел на меня так, будто нож стоило применить совсем к другому пациенту.

— Когда Нэль протянула руку к свету, бабочка стала видна. Возможно, она реагирует на тепло.

— Или свет делает её заметнее.

— Тогда мы хотя бы поймём, куда она движется.

Тарен сам взял лампу. Подошёл к кровати, прикрыл пламя ладонью и остановился, ожидая разрешения. Не моего — Нэль. Девочка посмотрела на него, потом на свет и кивнула.

Когда тёплый круг лёг на её лицо, серебро под кожей замерло.
Мы тоже.

Тарен отвёл лампу в сторону. Точка дрогнула и потянулась следом, проползла от уха обратно к шее. Он медленно переместил свет ниже, к руке. Серебряная нить послушно огибала ключицу, будто под прозрачной кожей плыло крошечное насекомое, которое видело пламя сквозь плоть.

— Ещё ниже, — сказала я.

— Я понял.

— Поздравляю.

Он коротко посмотрел на меня. В другой обстановке такой взгляд означал бы, что разговор закончен. Здесь пришлось продолжить.

Лампу поставили у запястья. Бабочка спустилась по внутренней стороне руки и снова раскрыла крылья. Свет проходил через них, оставляя на покрывале две бледные тени.

— И что теперь? — спросила Грета.

Хороший вопрос. Приманить неизвестную дрянь к пальцам было полезно лишь в том случае, если мы понимали, как не дать ей вернуться.

— Она появилась там же, где серебряная точка, — сказала я. — Возможно, вошла через кожу.

— На руке нет раны, — возразил Мелс.

— У Лиоры следы почти не видны. Ищите внимательнее.

Он взял увеличительное стекло, поднёс к запястью девочки и долго осматривал кожу. Нэль терпела, только губы у неё побелели. Риан стоял у изголовья, положив ладонь сестре на волосы, и не сводил глаз с ножа на столе.

— Есть прокол, — наконец сказал лекарь. — Очень тонкий. Возле вены.

— Свежий?

— Края уже затянулись. Несколько дней, возможно, неделя.

— Там, где бабочка?

— На два пальца ниже.

— Значит, она могла войти не сейчас.

Мелс ничего не ответил. Взял из чемоданчика стеклянную банку, обмотал её горлышко плотной тканью и поднёс к руке Нэль.

— Я попробую вытянуть серебро теплом. Без надреза, — добавил он, прежде чем я успела открыть рот. — В банке горячая соль. Она не касается кожи.

— Нэль? — спросила я.

Девочка посмотрела на Грету.

— Не больно, — сказала экономка.

Я закрыла глаза.

— Грета.

— Что ещё?

— Вы не можете знать.

Она прижала губы, но заставила себя исправиться:

— Если станет больно, мы сразу уберём.

Нэль кивнула.

Мелс приблизил банку. Бабочка дёрнулась, сложила крылья и вытянулась в тонкую иглу. Серебро натянулось к теплу, проступило ярче, а затем рассыпалось на множество точек. Они собрались вокруг прокола. Одна появилась на поверхности, блеснула, как крупинка соли.

Лекарь подхватил её краем стеклянной пластинки.

Вторая вышла следом.

Нэль заскулила. Не заплакала — звук родился где-то глубоко, слишком низкий для шестилетней девочки. Волосы на её руках приподнялись. Между светлыми прядями проступил серый пух, густой и мягкий, как подшёрсток щенка.

— Хватит, — сказал Риан.

Мелс не остановился.

— Хватит!

Мальчик рванулся к нему. Тарен обхватил племянника поперёк груди, но тот успел ударить банку. Горячая соль рассыпалась по полу, стекло треснуло. Нэль выдернула руку, прижала к груди, и серебряные точки исчезли так быстро, будто никогда не существовали.

— Я сказал, хватит! — Риан бился в руках дяди. — Она заскулила! Ты не слышал?

— Слышал, — ответил Мелс.

— Тогда почему не убрал?

— Потому что это могло её спасти.

— А если нет?

Лекарь открыл рот.

Я знала, что он скажет. Что взрослым иногда приходится причинять боль. Что ребёнок не способен оценить необходимость лечения. Что ещё несколько мгновений могли дать результат. Всё это бывает правдой. И всё это слишком легко произнести, когда держат не тебя.

— Он должен был остановиться, — сказала я.

Мелс повернулся ко мне.

— Вы много раз видели серебро под кожей?

— Ни одного.

— Тогда помолчите.

— Но я видела детей, которые переставали говорить врачу, где болит, потому что однажды их не услышали.

— Мы не в вашем мире.

— Нэль в любом мире шесть лет.

Он стиснул зубы и опустил собирать осколки. На стеклянной пластинке лежали две серебряные крупинки. Они не двигались, но между ними то и дело проскакивала тонкая нить, будто частицы пытались снова соединиться.

Тарен отпустил Риана.

Мальчик сразу сел рядом с сестрой и накрыл её запястье ладонью. Серая шерсть уже исчезала, оставляя после себя мурашки. Нэль не плакала. Смотрела в одну точку и дышала слишком ровно — так дети дышат, когда боятся, что любой звук вернёт неприятное.

— Я больше не буду, — сказал Мелс.

— Сегодня? — спросил Риан.

Лекарь нахмурился.

— Без твоего согласия.

— И без её.

— И без согласия Нэль.

Мальчик кивнул. Не простил, просто записал условие.

Тарен подошёл к столу. Серебро на стекле потянулось в его сторону. Едва заметно, на толщину волоса, но я увидела. Мелс тоже. Он накрыл крупинки второй пластинкой и зажал края воском.

— Почему оно двинулось к вам? — спросила я.

— Тепло, — ответил лекарь слишком быстро.

— Лампа стоит ближе.

Тарен поднёс ладонь к стеклу. Серебряная нить опять вытянулась к его пальцам.

На костяшках проступила серая шерсть.

Мелс отдёргнул пластинку.

— Волчья кровь, — сказал он. — Состав ищет её.

— Тогда почему он не вышел из Нэль полностью? — спросила я.

— Потому что она тоже лунорождённая.

— А Лиора?

— Человек.

Я посмотрела на бледные точки на своём предплечье. Если серебро искало волчью кровь, зачем его вводили гувернантке? Чтобы она переносила состав? Чтобы не понимала, что делает? Или проколы вообще не имели к порошку отношения?

Слишком много вопросов. Семь ночей перестали казаться сроком и превратились в издевательство.

— Её нужно держать на свету, — сказал Мелс. — Если серебро поднимается к голове в темноте, лампы не должны гаснуть.

Нэль подняла глаза.

— Даже когда спать?

— Даже тогда.

— Я не усну.

— Уснёшь, если устанешь.

Она отвернулась.

Прекрасно. Мы спасали ребёнка от существа, которое приходило во сне, лишая её сна.

— Сделайте свет мягче, — сказала я. — Несколько ламп за тканью, а не одну возле лица.

И оставьте освещённую дорожку к двери.

— Зачем?

— Чтобы она видела выход, когда проснётся.

— Она не выйдет из комнаты, — сказал Тарен.

— Речь не о замке.

Он понял. По тому, как взгляд на миг задержался на Нэль, я увидела: понял и не стал спорить.

Мелс упаковал стеклянную пластинку в деревянный футляр. Взял воск с синей печатью и пузырёк, найденный в комнате Лиоры. Всё это предстояло отнести в лабораторию, название которой звучало слишком внушительно для помещения, где горячую соль держали в банке.

— Мне нужны записи о старых составах, — сказал он. — Те, что хранятся в нижнем архиве.

— Возьмите Дорна и двух стражников, — ответил Тарен. — Один вы туда не пойдёте.

— Я способен защитить себя от полков.

— От полков — возможно.

Мелс не стал уточнять.

Когда он ушёл, в комнате стало теснее. Не физически. Исчез единственный человек, который хотя бы делал вид, что понимает происходящее, и остались мы: двое детей, экономка, два вооружённых мужчины, альфа, который мог отрастить когти, и приговорённая гувернантка в чужой рубашке.

Семья, если не придираться.

— Госпожа Весс, — произнёс Тарен.

— Ася.

— Не начинайте.

— Вы дали мне семь ночей. Было бы удобнее понимать, к кому обращаются.

— Для меня вы Лиора Весс.

— Для меня нет.

Риан посмотрел с любопытством. Нэль тоже.

Тарен заметил и не продолжил спор. Подошёл ко мне, взялся за короткую цепь между ремнями. Я не сразу поняла, что он собирается сделать, и отступила. Цепь натянулась, его пальцы коснулись внутренней стороны запястья.

— Стойте спокойно.

— Эта фраза сегодня редко заканчивалась хорошо.

— Тогда можете подёргаться. Мне безразлично.

Он вынул ключ и открыл первый замок. Кожаный ремень отпустил руку, под ним осталась красная полоса. Второй сидел туго. Тарен нахмурился, просунул палец между кожей и металлом, приподнял застёжку.

От близости запах хвои стал сильнее. Не духи — скорее, морозный воздух в лесу, въевшийся в волосы и одежду. Я увидела у него на большом пальце старый след укуса: два белых полукруга, почти сомкнувшихся возле сустава. Наверное, волчонок. Наверное, один из тех, что сейчас следили за его руками с кровати.

Замок щёлкнул.

— Я больше не вхожу в число опасных предметов? — спросила я.

— Входите.

— Но?

— Вы не сможете успокоить детей в ремнях.

Я потёрла затёкшие запястья.

— Значит, вы решили, что я буду их успокаивать.

— Я решил, что до ночи вы останетесь под охраной в соседней комнате и расскажете всё, что знаете о поведении детей после испуга.

— Это не одно и то же.

— Не льстите себе.

Он отвернулся слишком быстро. Риан закатил глаза так выразительно, что на секунду стал обычным девятилетним мальчиком, уставшим от взрослых, которые считают его слепым.

— А свет? — тихо спросила Нэль.

Тарен сразу посмотрел на неё.

— Что с ним?

— Она раньше не разрешала.

Слова были адресованы не мне. Нэль показывала на дверь.

— Не разрешала что?

— Открывать ставни в детской.

Грета замерла у шкафа.

— Я думала, дети сами просят закрывать. Им мешал снег.

— Снег не мешает, — сказал Риан. — Она говорила, свет будит волка неправильно.

Тарен медленно повернулся ко мне.

— Разумеется, я ничего не помню.

— Я ничего не спросил.

— Но очень выразительно промолчали.

— В детскую, — приказал он охранникам.

— Детям нужен покой, — возразила Грета.

— Они останутся здесь.

— Я пойду, — сказал Риан.

— Нет.

— Там мои вещи.

— Дорн принесёт.

— Он не знает, какие.

— Тогда скажешь Грете.

Мальчик сжал губы. Сначала я решила, что он просто не хочет отпускать взрослых в комнату без себя. Потом заметила, как его взгляд метнулся к сестре.

— Боишься, что Нэль останется одна? — спросила я.

— Она не одна.

— Тогда чего?

— Ничего.

Слишком быстрый ответ.

— Я могу остаться с ней, — сказала Грета.

— Нет! — Риан почти крикнул. — То есть... Тарен останется.

Тарен присел перед ним.

— Что в детской?

— Ничего.

— Риан.

Мальчик упрямо смотрел в сторону. Давить дальше при всех было бесполезно. Ему требовалась возможность сказать правду, не потеряв то небольшое, что он ещё контролировал.

— Пусть идёт, — сказала я.

Тарен поднял голову.

— Нет.

— Он знает комнату лучше нас. И если там есть что-то опасное, всё равно пойдёт следом, как только никто не увидит.

— Я выставлю караул.

— Девятилетний ребёнок разбил цветное стекло, пролез в купальню с арбалетом и вытащил сестру из воды. Уверена, один караульный полностью решит проблему.

Мужчина с царапиной у двери кашлянул. На этот раз, кажется, без всякой улыбки.

Тарен посмотрел на племянника.

— Ты останешься рядом со мной. Ничего не трогаешь без разрешения Дорна. Если я скажу выйти, выходишь сразу.

— А Нэль?

— Грета и Калем останутся здесь.

Так охранника с царапиной звали Калем. Он коротко поклонился.

— И Мора, — добавил Тарен.

Возле двери появилась женщина в тёмно-синем платье. Я не слышала, как она вошла. Высокая, сухая, лет сорока пяти, волосы стянуты в тугий узел, на поясе висела связка ключей. Она посмотрела сначала на Тарена, затем на детей и только потом на меня. Не с ненавистью. С тем осторожным отворачиванием, с каким осматривают пищу, от которой однажды стало плохо.

— Я прослежу, господин.

— Кто это? — спросила я.

— Мора ведёт дом, пока Грета занята детьми.

— Раньше вела вы, — добавила женщина.

Голос оказался низким и приятным. Слова — нет.

— Тогда неудивительно, что дом не спит.

Мора прищурилась.

— Он не спал задолго до вас, госпожа Весс.

— Что это значит?

— То, что Северный дом пережил хозяев получше нас и переживёт всех, кто по нему ходит.

— Мора, — предупредил Тарен.

Она опустила глаза. Не испуганно, скорее, отмечая границу, за которую пока не стоило заходить.

Нэль потянулась к Грете. Та села рядом и взяла её на руки. Серебряная бабочка больше не появлялась, однако девочка время от времени поглаживала запястье, словно чувствовала движение под кожей.

Мы вышли в коридор.

Калем закрыл за нами дверь. На этот раз ключ не повернулся. Дети оставались в комнате альфы, и ни один человек в Сером Утёсе, похоже, не допускал мысли, что защита может потребоваться не от тех, кто снаружи.

Днём Серый Утёс выглядел не менее мрачным, чем ночью, зато гораздо более обитаемым.

Пока меня вели по длинному коридору, из каждой двери кто-нибудь выходил. Горничная с охапкой простыней увидела меня и вжалась в стену. Двое мальчишек в серых куртках, тащившие корзину дров, разом остановились, после чего старший толкнул младшего локтем и оба уставились в пол. У лестницы стоял седой мужчина с медными щипцами, которыми обычно вынимали угли. Он не отступил. Только перехватил щипцы поудобнее.

Я шла босиком, в мужской рубашке и одеяле. Угроза Северному дому была одета не по погоде.

— Доброе утро, — сказала я мужчине.

Он сплюнул в потухший камин.

— Не доброе.

— Здесь соглашусь.

Тарен шёл впереди, но слышал. Его плечи едва заметно напряглись.

Слуги знали, что меня собираются казнить. Возможно, уже спорили, сколько ударов потребуется палачу и пустят ли смотреть детей. Любопытства в их лицах почти не было. Только тяжёлое удовлетворение людей, которые долго терпели и наконец увидели, как зло выводят из дома босиком. Объяснять каждому, что внутри Лиоры проснулась совсем другая женщина, было бессмысленно. Я и сама не смогла бы сказать это вслух, не почувствовав себя героиней плохого сериала.

У поворота нас догнала Мора. В руках она несла тёмное платье, чулки и пару мягких домашних туфель.

— Господин, — обратилась она к Тарену, хотя смотрела на меня. — Не хотелось бы после объяснять судье, почему обвиняемая простудилась.

— Найдите ей комнату рядом с детской.

— Там жила младшая няня.

— Переселите.

— Она уехала ещё осенью.

Мора произнесла это без выражения, но Тарен остановился.

— Почему?

— Госпожа Весс обвинила её в краже серебряной ложки. Ложку нашли в сундуке.

Он медленно повернулся ко мне.

— Вы уже рассказывали, — напомнила я. — Значит, это была она.

— Это была Тиша, — сказала Мора. — Девушка родилась в нижнем посёлке. Её мать до сих пор не выходит за ворота, если видит людей Серого Утёса.

— Ложку подбросили?

— Мы не знаем.

— Но думаете, что Лиора.

— Я думаю, серебро не умеет само залезать в бельё.

— Теперь выяснилось, что иногда умеет.

Мора посмотрела на меня внимательнее. Не смягчилась, просто на мгновение забыла, какое выражение полагалось держать рядом с чудовищем.

— Комнату подготовят, — сказала она Тарену. — Дверь закрывается снаружи. Между ней и детской общий проход, его можно запереть с обеих сторон.

— Окно?

— Узкое. На третий двор.

— Поставьте решётку.

— До вечера не успеют.

— Тогда прибейте ставни.

— Нет, — сказала я.

Тарен повернулся.

— Вы не выбираете.

— Если мы собираемся держать Нэль на свету, не стоит селить меня в тёмный ящик.

Мне нужно сохранять способность думать.

— Вы и в светлой комнате найдёте способ причинить неудобства.

— В тёмной буду стараться усерднее.

— На окне уже есть наружная решётка, — вмешалась Мора. — Старая. Через неё разве что кошка пролезет.

— Проверить крепления, — распорядился Тарен.

Он снова пошёл вперёд. Мора протянула мне одежду.

— Переоденетесь за ширмой в малой гостиной.

— И вы будете смотреть?

— Прикажете позвать служанку?

За этим вопросом стояло столько людей, уволенных по моей прихоти, что я взяла платье и не стала торговаться.

Малая гостиная находилась рядом. Там было холоднее, чем в коридоре: камин не топили, мебель закрывали полотняные чехлы, на стёклах вырос лёд. Мора встала у двери. Тарен и Риан остались снаружи вместе со стражниками.

Платье оказалось чужим и слишком широким в груди, зато застёгивалось спереди. Я сняла рубашку, впервые увидела тело Лиоры целиком и пожалела, что в комнате нет зеркала. На рёбрах желтели старые синяки. Не от пальцев — широкие, косые полосы, словно она несколько раз падала на край стола. На левом бедре темнел круглый след ожога. Проколы на правой руке я уже видела, но теперь нашлись ещё два: под ключицей и на животе, чуть ниже пупка.

— Лиору кто-нибудь бил? — спросила я.

— Вы упали с лошади два месяца назад.

— Все синяки от падения?

Мора молчала.

Я обернулась.

— Что?

— Господин Морвейн никогда не поднимал руку на женщину.

— Я не спрашивала о нём.

— Остальные тем более.

— Тогда почему отвечаете так, будто спрашивала?

Она отвела взгляд и взялась поправлять сложенные на кресле чехлы.

— Вы любили показывать синяки слугам. Говорили, что альфа сердится, когда ему возражают.

— А он бил?

— Нет.

— Вы уверены?

— Я бы знала.

— Откуда?

— Потому что в Сером Утёсе слышно всё.

Фраза прозвучала почти так же, как её слова о доме, который не спит. Я натянула платье, продела пуговицы не в те петли и начала сначала.

— Если слышно всё, как Лиора месяцами запирала детей и поила серым молоком?

Мора замерла.

— Дом слышит, — сказала она после паузы. — Люди умеют не слушать.

— Удобное разделение обязанностей.

— Не вам судить.

— А я и не сужу. Мне семь дней на то, чтобы самой не попасть под топор.

Я застегнула последнюю пуговицу. Мора подошла, молча перестегнула три в середине и затянула шнуровку на спине. Её пальцы двигались уверенно и не касались кожи.

— Вы правда ничего не помните? — спросила она.

— Правда.

— Даже как вошли в купальню?

— Нет.

— Но помните другого мальчика.

Я посмотрела на неё.

— Стены слышат, — пояснила Мора. — Люди тоже.

Петя снова возник перед глазами. Синяя шапка, кровь у виска, стекло на ресницах. Я заставила себя надеть чулки.

— Помню.

— Он ваш сын?

— Нет.

— У госпожи Весс не было детей.

— У Аси тоже.

Мора завязала на моей щиколотке ленту.

— Какой она была?

— Кто?

— Эта Ася.

Никто ещё не задавал вопрос так. Все спрашивали, существовала ли моя жизнь, где находился мой город, почему я не знала собственное тело. Мора хотела понять не откуда я пришла, а что именно могло прийти.

— Уставшей, — сказала я. — Иногда злой. Не всегда справедливой. Я работала с детьми, которым взрослые уже успели объяснить, что просить помощи стыдно. Периодически мне казалось, что я очень хорошо умею им помогать. Потом появлялся ребёнок, который молчал четыре встречи подряд, и становилось ясно: нет.

— Вы не похожи на госпожу Весс.

— Это хорошо?

— Пока не знаю.

Она подала мне туфли.

Когда мы вышли, Тарен стоял у окна. Риан сидел на подоконнике, хотя до пола оттуда было метра полтора, и ковырял ногтем старую зарубку на дереве. Увидев меня в платье, мальчик нахмурился.

— Это платье Тиши.

Мора резко втянула воздух.

— Оно осталось в прачечной, — пояснила она. — Остальную одежду госпожи Весс осматривает стража.

— Сними, — сказал Риан.

— Риан, — одёрнул Тарен.

— Она выгнала Тишу, а теперь носит её платье.

Я посмотрела на тёмную шерсть, слишком широкие рукава и маленькую штопку возле подола. Вещь была не просто запасной. Девушка собиралась вернуться за ней или не смогла забрать всё сразу.

— Другого нет, — сказала Мора.

— Найдите, — ответила я.

— Вы не переживёте без платья несколько часов?

— Переживу в мужской рубашке.

— Судью, несомненно, впечатлит ваша скромность.

— Меня не интересует судья. Верните это Тише.

Риан перестал ковырять дерево.

Мора взяла меня за локоть и отвела обратно за дверь.

— Вы не понимаете, — прошипела она. — Если я сейчас сниму с вас платье, все решат, что вы устроили очередную сцену.

— Они в любом случае так решат.

— У меня нет времени искать наряды по сундукам. Дети больны, половина стражи поднята, повара проверяют каждый мешок муки, а вы...

— Тогда дайте мне старое покрывало и рубашку. Мне всё равно.

Она смотрела несколько секунд. Затем расстегнула пуговицы.

Через пять минут я снова вышла в коридор в серой рубашке, на этот раз сухой, и длинной юбке, найденной в сундуке для ветоши. Юбка была выцветшей, на подоле осталось бурое пятно, зато её точно никто не собирался носить.

Риан спрыгнул с подоконника.

— Тиша не вернётся.

— Возможно.

— Тогда зачем?

— Потому что вещь её.

— Ты украла у моей мамы браслет.

— Значит, один правильный поступок не исправляет остальные.

Он задумался.

Тарен смотрел не на меня — на Мору. Та едва заметно качнула головой. Они обменялись чем-то без слов. Возможно, решали, не является ли внезапная порядочность новым способом запутать ребёнка. Возможно, я уже начала рассуждать как Риан и искать ловушку в каждом движении.

— Идём, — сказал Тарен.

Детская располагалась этажом выше, в западной части дома. По дороге мы миновали лестницу, ведущую в большой зал, кухонный проход и галерею с портретами. Из кухни тянуло хлебом, дымом и варёным мясом. Возле двери стояли двое стражников, а за ними повар с красным лицом ругался на человека, который требовал разрезать каждый мешок с крупой.

Увидев Тарена, он замолчал.

— Господин, если мы будем вскрывать всё, к вечеру в кладовой останется одна мука на полу.

— Пересыпайте в чистые бочки.

— Бочки тоже велено проверить.

— Значит, сначала проверьте.

Повар посмотрел на меня.

— Это из-за неё?

— Это из-за найденного состава, — ответил Тарен.

— Состав сам детям молоко не носил.

— Пока мы не знаем.

Взгляд повара стал тяжёлым.

— Я знаю. Моя Лисса ушла после того, как эта сказала, будто девчонка плюнула в тарелку господина Риана. Двенадцать лет у меня на кухне, ни разу лишней корки не взяла.

— Где она сейчас? — спросила я.

— Подальше от вас.

— Хорошо.

Он ожидал другого и растерялся.

— Вы видели, как Лиора готовила серое молоко?

— Не называйте себя так, будто речь о соседке.

— Видели?

— Она никого не пускала. Брала молоко, запиралась в малой кладовой. Возвращала кувшин уже пустым.

— В какое время?

— После вечерней еды.

— Всегда?

— Когда вздумается.

— Перед этим получала письма?

Повар нахмурился.

— За почтой следит привратник.

— Я спрашиваю, не замечали ли вы синюю печать.

— Нет.

— А странный запах? Осадок в кувшине?

— Я мою посуду, а не нюхаю за господами.

— Кто мыл тот кувшин?

Он посмотрел в сторону мойки. Там стояла девочка лет четырнадцати, худая, с обожжёнными паром руками. Услышав вопрос, она побледнела.

— Подойди, — приказал повар.

Девочка не двинулась.

Я осталась на месте.

— Можешь ответить оттуда. Как выглядел кувшин после молока?

Она покосилась на повара.

— Обыкновенно.

— Серебро оставалось?

— Нет.

— Запах?

— Сладкий.

— Как мёд?

— Нет. Как цветы, которые ставят к покойнику.

По кухне прошёл шорох. Кто-то перекрестился знаком из трёх точек.

— Какие именно?

— Белые, госпожа.

— Лунницы, — сказал Тарен.

Мора, шедшая позади, резко остановилась.

— Их привезли к годовщине госпожи Лавены. Корзину поставили в часовне.

— Когда?

— Осенью.

— Тогда же начались кошмары Нэль, — сказала я.

— Лунницы не ядовиты, — возразил повар. — Их заваривают от жара.

— А порошок умеет пахнуть?

Никто не знал.

Тарен велел Дорну забрать из часовни все оставшиеся сухие цветы и найти записи о доставке. Повар отправил девочку с обожжёнными руками показать корзину. Она прошла мимо меня боком, прижавшись к столу, и я отвернулась, чтобы не заставлять её протискиваться ещё теснее.

— Вы разговариваете со слугами, будто они дети, — заметил Тарен, когда мы снова оказались в коридоре.

— Вы разговариваете с детьми, будто они солдаты.

— Это Север.

— А им всё равно девять и шесть.

— До десяти лунорождённый должен уметь владеть телом в двух обличьях. На границе это вопрос жизни.

— Значит, Риан слышит не только, что отстаёт от остальных. Он слышит, что из-за этого может умереть.

Тарен ничего не ответил.

Риан шёл впереди рядом с Дорном. Наверняка слышал каждое слово. Волчий слух не требовался: мы не особенно старались говорить тише.

Детская дверь была украшена вырезанными по дереву волками. Два взрослых зверя стояли по бокам, между ними теснились волчата с непропорционально большими лапами. У одного не хватало уха. След выглядел старым, края успели потемнеть.

— Я отломал, — сказал Риан, заметив мой взгляд.

— Зачем?

— Он был похож на меня.

— У тебя оба уха.

— Теперь.

Я решила не спрашивать.

Дорн отпер дверь. Из комнаты пахло пылью, холодным воском и чем-то сладким, едва заметным. Тем самым запахом цветов возле покойника или просто моей внушаемостью.

Окон не было видно. Плотные тёмные шторы закрывали всю дальнюю стену, поверх них изнутри стояли деревянные ставни. Даже днём помещение освещали две коптящие лампы. Между кроватями висел тяжёлый полог, разделявший комнату пополам. На стороне Риана стоял узкий стол, полка книг и сундук. На стороне Нэль — маленький шкаф, кукольный дом и кровать с высокими резными спинками.

— Откройте ставни, — сказал Тарен.

Дорн подошёл к окну. Подёргал засов.

— Заколочено.

— Снаружи?

— Изнутри.

Три железные скобы пересекали створки. Шляпки гвоздей были забиты глубоко, вокруг дерева остались свежие вмятины.

— Когда это сделали? — спросил Тарен.

Мора подошла ближе.

— Я не знала.

— В доме забивали железо, а вы не слышали?

Она побледнела.

— Здесь постоянно чинят ставни. После бурь...

— Эти окна выходят во внутренний двор.

— Я не знала, — повторила она.
Риан остановился возле своей кровати.
— Она сказала, окно нельзя открывать.
— Почему? — спросила я.
— Женщина увидит.
— Женщина без лица?
— Нет. Ты.
Конечно.

Лиора не просто запирала детей в темноте. Она дала каждому свою причину бояться света: Нэль — что её найдёт женщина, Риану — что сестре навредит гувернантка. Очень удобно. Испуганные дети сами защищали клетку.

Тарен взял у Дорна небольшой лом. Первый гвоздь вышел вместе с длинной щепой. Второй поддался хуже. На третьем металл согнулся, и пальцы Тарена потемнели. Когти вошли под шляпку, дерево хрустнуло.

Риан смотрел, не моргая.
Когда последняя скоба упала, Тарен распахнул ставни.

Свет ударил в комнату белой полосой. Не солнечный — небо было затянуто снегом, — но после ламп он показался резким. Пыль вспыхнула в воздухе. На полу проступили царапины, под кроватями — комки серой шерсти, на стене возле Нэль — десятки маленьких рисунков, прежде скрытых пологом.

Девочка рисовала углём волков. Почти все были без глаз.

Риан отвернулся от окна.

— Закрой.
Тарен опустил лом.
— Нет.
— Ей будет видно.
— Кому?
— Я не знаю.
— Тогда пусть смотрит.

Он сказал это в сторону заснеженного двора. Спокойно, без крика, но под последним словом будто двинулся весь дом. Где-то глубоко в стенах прокатился глухой звук. Не гром, не ветер. Камень вздохнул и снова замер.

Мора коснулась пальцами знака на груди.

— Что это было? — спросила я.
— Старые трубы, — ответил Дорн.
— В каменных стенах?
— Дом тёплый.
— Здесь холоднее, чем в подвале.
— Значит, трубы работают плохо.

Он умел отвечать с тем же невозмутимым лицом, что и его господин. Наверное, это вошло в форму.

Тарен распахнул вторую створку. Комната стала больше. Не светлее даже — именно больше. Исчез потолок, который прежде будто давил на кровати, углы отодвинулись, игрушки перестали выглядеть брошенными в чулане.

Под матрасом Нэль что-то звякнуло.

Риан бросился к кровати, но Дорн оказался быстрее. Поднял край перины и вытащил кожаный ремень с железной пряжкой.

Потом второй.

Они были закреплены на раме: один на уровне груди, другой у щиколоток. Кожа с внутренней стороны потемнела от пота. На пряжке остались короткие светлые волосы.

Тарен не сразу понял, на что смотрит.

— Зачем?

Никто не ответил.

Он повернулся к племяннику.

— Риан.

Мальчик прижался спиной к стене.

— Она вставала.

— Кто привязывал?

— Иногда Грета.

Мора шумно втянула воздух.

— Грета не знала, — быстро добавил Риан. — Она думала, это чтобы Нэль не упала. Потом уходила, а эта затягивала сильнее.

— Ты освобождал?

— Когда мог.

— Почему не сказал мне?

— Я сказал.

Тарен замер.

— Когда?

— Ты спросил, хорошо ли мы спим. Я сказал, что Нэль не может повернуться.

В комнате стало так тихо, что снаружи слышался снег, царапающий стекло.

Тарен прикрыл глаза. Я уже видела это движение. Он не прятался от чужого взгляда — удерживал внутри что-то, чему нельзя было дать форму рядом с ребёнком.

— Я решил, что она снова отлежала руку, — произнёс он.

— Я знаю.

В голосе Риана не было упрёка. От этого стало хуже.

Тарен подошёл к кровати, взял ремень обеими руками и дёрнул. Кожа лопнула возле крепления. Второй он вырвал вместе с железной скобой и швырнул на пол.

— Дорн. Осмотреть каждую кровать в доме. Все ремни сжечь.

— На койках стражи...

— Все, которыми можно привязать ребёнка.

— Понял.

— И не при детях, — добавила я.

Тарен посмотрел на меня.

— Что?

— Не устраивайте костёр из ремней под окном Нэль. Ей не нужно видеть, как вы злитесь. Ей нужно знать, что больше не привяжут.

— Она и так узнает.

— От кого?

Он сжал обрывок кожи.

— Я скажу.

— Хорошо.

Это слово далось ему тяжелее любого приказа.

Мы обыскали комнату.

Сначала Дорн проверил половицы и стены. Он работал методично: простукивал панели рукоятью кинжала, снимал ящики, заглядывал в швы матрасов. Мора перебирала одежду и постельное бельё. Тарен открывал книги, встряхивал каждую, после чего ставил на другую

полку. Риан ходил за ним, следил, чтобы взрослые не выбросили ничего важного, и время от времени молча забирал свои вещи из общей кучи.

Мне велели стоять у двери.

Я продержалась там минуты три.

— Под кроватью Нэль ещё один ящик, — сказала я.

— Пустой, — ответил Дорн, не оборачиваясь.

— У него двойное дно.

Все посмотрели на меня.

Я тоже посмотрела на ящик. Низкий, деревянный, с нарисованными по краю серебряными листьями. Не знаю, откуда возникла уверенность. Может, заметила слишком толстую боковую стенку. Может, тело Лиоры узнало вещь раньше меня.

Дорн вытащил ящик и постучал по дну. Звук оказался глухим. Поддел угол ножом, снял тонкую доску.

Внутри лежали детские рисунки.

Не угольные волки со стены. Эти были сделаны чернилами и цветными мелками на дорогой плотной бумаге. На первом Нэль стояла перед чёрной дверью. Вместо лица у девочки был пустой белый круг. На втором серый волк лежал под кроватью, а сверху свисали женские волосы. На третьем два ребёнка держались за руки, пока вокруг них летали серебряные бабочки.

— Это рисовала Нэль? — спросила я.

Риан взял лист.

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Она не умеет так.

Линии действительно были уверенными, взрослыми. Кто-то нарочно рисовал неловко, делал фигуры простыми, но не смог скрыть привычку правильно передавать руки, складки ткани и тень.

Дорн вытащил последний лист.

На нём не было картинки. Только несколько строк, написанных чёрными чернилами:

«Она приходит, когда дети называют себя во сне.

Свет удерживает её за дверью.

Не позволяйте ей забрать имя мальчика».

Под последней строчкой чернила расплылись. Бумага была продавлена так сильно, что перо прорвало её возле слова «имя».

— Чей почерк? — спросил Тарен.

Мора поднесла лист к окну.

— Госпожи Весс.

— Уверены?

— Она вела счета по урокам и писала распоряжения для слуг. Я узнаю.

Риан выхватил бумагу.

— Это не она.

— Почему? — спросила я.

— Она бы не стала предупреждать.

— Возможно, не всегда хотела одного и того же.

— Ты говорила, что ничего не помнишь.

— Не помню. Но рука могла написать то, что голова потом потеряла.

Он посмотрел на мои пальцы. Я тоже. Тонкие, бледные, под одним ногтем всё ещё оставалась голубая нитка с сорочки Нэль.

— «Имя мальчика», — повторил Тарен. — Речь о Риане?

— В комнате жил только один мальчик, — сказала Мора.

— Что значит «забрать имя»?

Никто не ответил.

Риан перевернул лист. На обратной стороне проступали продавленные линии. Я попросила поднести бумагу к окну. Там были буквы — одно и то же слово, написанное несколько раз без чернил.

Риан.

Первые два раза разборчиво. Потом буквы начинали расплзаться. У последнего имени отсутствовала середина: «Ри...н». Будто человек, державший перо, забыл следующий знак прямо во время письма.

Мальчик уронил лист.

В стене снова что-то протяжно вздохнуло.

На этот раз никто не сказал про трубы.

К вечеру у Серого Утёса закончились чистые печати.

Ими закрывали кладовые, кувшины, окна, сундуки с лекарствами и даже дверцу печи, где сушились найденные в часовне лунницы. Синий воск использовать запретили. Мора принесла красный, старый и крошащийся, с гербом Морвейнов — волчьей головой над расколотой башней. Дорн ставил оттиски так часто, что к ужину большой палец у него стал того же цвета.

Никаких новых следов порошка не нашли.

Зато выяснилось, что пять человек знали о сером молоке, трое видели письма с синей печатью, двое помогали Лиоре заколачивать ставни и ни один не рассказал Тарену. Конюх решил, что гувернантка спасает детей от сквозняка. Горничная поверила, будто яркий свет мешает Нэль обращаться. Мальчик из кухни носил молоко к двери и уходил, потому что госпожа Весс не любила, когда на неё смотрят во время приготовления лекарств.

Каждый видел небольшой кусок. Вместе получалась клетка, которую строили всем домом.

Я сидела в комнате младшей няни и слушала, как за стеной двигают мебель. После ухода Тиши здесь почти ничего не осталось: узкая кровать, стол, таз на подставке и шкаф, пахнущий мышами. Наружную решётку проверили. Внутреннюю дверь, соединявшую комнату с детской, нашли за gobеленом. Её не открывали много лет; ржавый засов поддался только после масла и нескольких ударов молотком.

Теперь в двери имелось маленькое смотровое окно, прорезанное Дорном. Получилось неровно, зато через него была видна кровать Риана.

Очень обнадёживающая вещь — дырка в двери, возле которой караул будет следить, как дети спят.

На столе передо мной лежал рисунок Лиоры. Тарен разрешил взять его только после того, как Дорн сделал копию, Мора подтвердила почерк ещё раз, а лист осмотрели на свет, над огнём и почему-то возле миски с молоком. Ничего нового не появилось.

«Не позволяйте ей забрать имя мальчика».

Не «не позволяй». Не обращение к себе. Лиора писала для того, кто должен был найти тайник после неё.

Или надеялась, что найдёт сама, когда снова забудет.

Я провела пальцем рядом с продавленным именем. Не касаясь чернил. Риан. Ри...н. Последняя попытка больше походила на следы птичьих лап.

В дверь постучали.

— Войдите.

Калем открыл, но сам остался в коридоре. В комнату вошёл Мелс. Он успел сменить серый камзол на такой же серый и нёс деревянный футляр, зажатый под мышкой.

— Где господин Морвейн?

— За стеной. Проверяет, достаточно ли охраны, чтобы никто из нас не смог нормально дышать.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Лекарь положил футляр на стол. Рядом с рисунком он казался слишком маленьким для новостей, ради которых Мелс провёл полдня в нижнем архиве.

— Порошок называют серебряной пылью, — сказал он. — Не потому, что он сделан из серебра. Состав меняется в зависимости от того, для чего его готовят, но основа одна: истолчённые коконы ночной моли, сок лунницы и кровь сновидца.

— Человеческая?

— Иногда.

— А иногда?

— Неважно.

— Значит, неприятно.

Он нахмурился.

— Пыль использовали во время Белой горячки. С её помощью лекарь входил в сон больного и выводил волка, застрявшего между обличьями.

— Звучит полезно.

— Пока не выяснилось, что из десяти лекарей трое не возвращались.

— Умирали?

— Тела продолжали жить. Они ходили, ели, исполняли простые приказы. Но не помнили имён и не узнавали близких.

Я снова посмотрела на лист.

— Пустые.

— В старых записях их называли безымянными.

— Дом тишины?

Мелс отвёл взгляд.

— Тогда его ещё не существовало.

— А потом таких людей начали привязывать к кроватям и говорить, что им помогают.

— Вы ничего не знаете об этом месте.

— Я знаю достаточно, чтобы Риан боялся его сильнее женщины без лица.

Он провёл ладонью по лысой голове.

— Дом тишины не имеет отношения к пыли.

— Надеюсь. Что делает бабочка?

Мелс открыл футляр. Между двумя стеклянными пластинками лежали серебряные крупинки. За несколько часов они успели соединиться в тонкое крыло. Оно не шевелилось.

— В книге есть рисунки. Пыль принимает форму там, где сон соприкасается с телом. У одних это нити, у других насекомые, у третьих чешуя. Форма зависит от того, что человек увидел во сне.

— Нэль видит бабочек?

— Возможно.

— Она говорила только о женщине.

— Дети редко запоминают весь сон.

— Или бабочек видит тот, кто входит в её сон.

Он поднял глаза.

— Такая мысль мне не нравится.

— Мне тоже. Значит, стоит проверить.

— Как?

— Спросить Нэль.

— Она и так устала от вопросов.

— Тогда не сегодня.

Мелс удивился. Похоже, ожидал, что я немедленно потащу ребёнка на допрос ради собственной шеи.

— А серебряная нить в глазу Риана? — спросила я.

— Та же пыль. Или близкий состав.

— Почему у него она выглядит иначе?

— Он старше. Его волк должен был проявиться сильнее и сопротивляется.

— «Должен был»?

— В девять лет большинство лунорождённых уже обращаются.

— Он это знает.

— Конечно.

— Все вокруг тоже напоминают?

— Его готовят к положению наследника Северного дома.

— Его готовят стыдиться собственного тела.

— Не вам рассуждать о воспитании наследника.

— Мне больше не о чем рассуждать. Лиора восемь месяцев занималась именно этим.

Дверь за его спиной открылась.

Тарен вошёл без стука. На нём был тёмный камзол, застёгнутый уже правильно, волосы ещё оставались влажными после умывания. Выглядел он так, будто ночь с купелью, подземелье и полдня допросов произошли с кем-то другим. Только под глазами легли серые тени.

— Что нашли?

Мелс повторил рассказ о серебряной пыли. Тарен не перебивал. Взял футляр, и крыло под стеклом снова потянулось к его ладони.

— Как состав попадает в сон?

— Через кровь. Питьё действует медленнее, но если давать регулярно, накапливается.

Укол позволяет ввести больше.

— Следы на коже Нэль появились около недели назад?

— Примерно.

— В это время госпожа Весс уже не оставалась с детьми одна.

— Оставалась, — сказала я. — Риан рассказал о ночах после запрета. Грета думала, что Нэль перестала ходить. Значит, кто-то продолжал попадать в комнату.

— Или вы ввели состав раньше.

— Тогда почему бабочка появилась только сейчас?

— Мы не знаем, что она появлялась впервые.

Он был прав. Это раздражало.

— Лиора могла вводить пыль себе? — спросила я у Мелса.

— Человеку она тоже действует на сознание.

— Я не об этом. Могла использовать свою кровь как способ перенести состав детям?

— Теоретически. Но проще дать им молоко.

— Если целью было отравить — да. А если войти в сон?

Мелс посмотрел на следы у меня на руке.

— Нужен ритуал. Я не нашёл описания.

— Его могли прислать в письмах.

Тарен положил футляр на стол.

— Писем нет.

- Значит, Лиора их уничтожала.
- Или передавала дальше.
- Вы опять смотрите на меня так, будто я могу достать их из рукава.
- Рукава вам уже проверили.
- Тогда из другого места, которое Мора тоже осмотрела.
- Мелс подавился кашлем.

Тарен не изменился в лице, но из-за двери донёсся тихий звук. Калем очень старательно переставил ножны.

— В комнате будут гореть шесть ламп, — сказал Тарен. — Мора принесла тонкую ткань, чтобы закрыть пламя. Нэль и Риан вернутся туда после ужина.

- Почему не оставить их у вас?
- Потому что неизвестно, к комнате ли привязано происходящее.
- Вы хотите использовать детскую как приманку.
- Я хочу увидеть врага там, где он уже появлялся.
- Внутри сна вы его не увидите.
- Значит, вы увидите.
- Очень лестно, что человек, который утром собирался отрубить мне голову, к вечеру доверяет мои галлюцинации.

— Я и сейчас не против плахи. Просто предпочитаю сначала получить ответы.

— Тарен, — произнёс Мелс.

— Что?

— Пыль может зацепиться за любого лунорождённого рядом. Вам лучше не оставаться в комнате.

- Следует.
- Если она ищет волчью кровь...
- Тем более.

Лекарь понял, что спор окончен.

- Тогда не засыпайте.
- Не собираюсь.

Я посмотрела на его лицо. Он не спал с того момента, как ночью выбили дверь купальни. Возможно, и до того дремал несколько часов. Альфа, волк, хозяин Северного дома — всё это не отменяло простого устройства век.

- Уснёте, — сказала я.
- Нет.
- Разумеется. У вас же особенные северные глаза, которые не закрываются.
- Я не спал трое суток в седле.
- Это физически невозможно.
- Моё тело тоже, по вашим представлениям, невозможно.
- Справедливо. Но если вы всё-таки провалитесь в сон, кто разбудит?
- Дорн будет за дверью.
- И увидит вас через дерево?

Тарен посмотрел на смотровое окно.

- Каждые четверть часа он постучит. Я отвечу.
- А если не ответите?
- Войдёт.
- Дверь будет заперта изнутри?
- Да.

— Тогда он сначала поднимет тревогу, найдёт ключ, выбьет створку и войдёт примерно тогда, когда Риан снова решит, что быстрее справиться самому.

— Что вы предлагаете?

— Я останусь в соседней комнате. Внутреннюю дверь не запирайте на ключ. Поставьте с вашей стороны засов, который можно открыть за секунду. Если вы не ответите, я зову Дорна и захожу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда между вами и детьми будет один засов.

— И вы.

— Именно.

— Боитесь, что я справлюсь?

Его зрачки на миг сузились.

— Боюсь, что вы рассчитываете на моё доверие.

— Пока рассчитываю только на вашу бессонницу.

Мы смотрели друг на друга через стол. Мелс начал перекладывать вещи в чемоданчике, хотя ничего не вынимал. В коридоре Калем, вероятно, жалел, что двойной караул нельзя нести в другом крыле.

— Засов остаётся, — наконец сказал Тарен. — Ключ будет у меня. Дорн получит второй.

— А я?

— Вы получите отверстие в двери. Радуйтесь.

— Постараюсь не ослепнуть от щедрости.

Он вышел.

Мелс закрыл футляр.

— Вам нравится раздражать человека, который решает, доживёте ли вы до суда?

— Нет. Просто почему-то хорошо получается.

— У прежней госпожи Весс тоже.

— Значит, хотя бы один навык сохранился.

Мелс задержался у двери.

— Если сегодня ночью серебро появится у вас под кожей, не скрывайте.

— Почему должна?

— Потому что тогда я пойму, что вы не просто лжёте.

— А если не появится?

— Не пойму.

Честно.

— Мелс.

Он обернулся.

— Вы знали Лиору до Серого Утёса?

— Нет.

— А госпожу Лоор?

— Видел при дворе.

— Она сновидица.

— Одна из лучших.

— Может войти в чужой сон?

Мелс помолчал.

— Все сновидцы могут, если их впустят.

— Как впускают?

— Называют имя.

Он ушёл, а я осталась смотреть на пустой дверной проём.

Рисунок лежал передо мной.

Не позволяйте ей забрать имя мальчика.

Возможно, Лиора предупреждала не о Риане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.